LE COURRIER SOCIALISTE

THE SOCIALIST COURIER

СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ ОРГАН РОССИЙСКОЙ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ РАБОЧЕЙ ПАРТИИ
Основан Л. МАРТОВЫМ. Выходит 1 раз в месяц
Адрес редакции и конторы: 7 East 15th St., Room 407, New York 3, N. Y.
Bureau en France: 6, Square de l'Opéra. — PARIS.

32-ой год издания
№ 6-7 (654)

Нью-Йорк - Париж
Июнь-Июль 1952 г.

Цена: в С.Ш.А. 35 ц.
En France 50 Fr.

СОДЕРЖАНИЕ:

Передовая: Что несет миру победа Эйзенхауэра?
С. Шварц: На алтарь тоталитаризма.
ОТКЛИКИ НА ОБРАЩЕНИЕ 14-ТИ:
А.Вересов: К Обращению российских социалистов.
Олесь Верьхивский: По поводу Обращения с.-д. и с.-р.
Мороз: Открытое письмо редактору "С. В.".
П. Берлин: Эпистолярная литература.
ЛИТЕРАТУРА И ЖИЗНЬ:
Ю. Денике: Потерявшие веру.
Бертран Вольф: Очерки советской психологии.
Памяти С. С. Атрана.
Н. Гришин, гвардии майор: "Уран — оружие мира".
А. О. Боевое задание.
С. Ш. Повышается ли заработная плата в Сов. Союзе?
Георгий Александров: "Ату его!"
ИЗ НЕДАВНЕГО ПРОШЛОГО:
В. Карда: Предсмертная чистка Коминтерна.
Из эпизодов войны:
Юрасов: Тюремные встречи.

ЧТО НЕСЕТ МИРУ ПОБЕДА ЭЙЗЕНХАУЭРА?

Чикагский съезд республиканской партии США — величайшее массовое зрелище в истории, за всеми перипетиями которого — через телевидение — неотступно следили десятки миллионов зрителей на всей территории США, от канадских лесов до Мексики, от Тихого океана до Атлантического, — закончился победой генерала Эйзенхауэра.

Эта победа досталась ему нелегко: положение спасли в последнюю минуту 19 делегатов штата Миннесота, перешедших на сторону генерала. Тафту нехватало немногого, чтобы оказаться победителем в единоборстве партийного аппарата против народной популярности. Скрытые за кулисами конвента мощные силы организации — крупного капитала и, прежде всего, изоляционизма, работали в пользу Тафта, ставшего, как меньшее зло, знаменем всех сил реакции и консерватизма, и справиться с ними было далеко не так просто.

Правда, в республиканской партии давно уже, примерно с 1940 г., образовалось левое крыло. Левизны его не следует преувеличивать. Но в отличие от зубров консерватизма и изоляционизма, живущих еще представлениями и традициями 19-го века, «молодые» республиканцы отдают себе отчет, что США стали ведущей мировой державой, которая не может уклониться от активной и доминирующей роли в мировой политике. Понимают они также и значение пронесшихся за последние полвека социально-экономических сдвигов. К этим прогрессивным республиканцам 20-го века принадлежал покойный Вендель Вилки, кандидат республиканской партии в 1940 г., нынешний нью-йоркский губернатор Томас Дьюи, кандидат республиканцев на президентских выборах 1944 и 1948 г. г. К ним принадлежит и сенатор Кабот Лодж, главный организатор кампании за Эйзенхауэра, и губернатор Стассен, который отдал «свои» 19 голосов Эйзенхауэру.

Но прогрессивное крыло до сих пор еще не могло занять сколько-нибудь решающей роли внутри своей партии: аппарат последней все время остается в руках «старой гвардии», не признающей никаких новшеств и находящейся безраздельно во власти самых консервативных и реакционных капиталистических зубров. Зубры вынуждены пользоваться именами более популярных и прогрессивных «молодых», как кандидатов в президенты (Вилки, Дьюи, а теперь Эйзенхауэр), ибо отлично отдают себе отчет, что их собственные лидеры не имеют никаких шансов вернуть республиканскую партию к власти в открытой борьбе против демократов. Но они не дают «левакам» никакого реального влияния во внутрипартийных делах. И политика партии в целом очень далека от прогресса и новых идей.

Коалиция всех левых группировок на чикагском съезде республиканской партии дала победу Эйзенхауэру.

Но была ли это действительная и прочная победа левого крыла? В этом сомневаются не только лондонский «Таймс», но и крупнейший публицист республиканского «Геральд Трибюн«, Вальтер Липман.

«Таймс» пишет, что после своей победы он может оказаться командиром армии, которая на самом деле осталась верна смещенному главнокомандующему. Липман предостерегает против иллюзии, чуть не погубившей Эйзенхауэра накануне Чикаго, — иллюзии, будто один человек, кто бы он ни был и как бы известен он ни был, может проложить себе дорогу в Белый Дом без поддержки могущественного партийного аппарата. И он ставит вопрос: «Если победа (левого крыла) в Чикаго не будет консолидирована в избирательной кампании и закреплена на выборах (конгресса) в ноябре, то контроль над партией вероятнее всего попадет опять в руки «старой гвардии», и тогда последняя будет настолько ожесточена, что даже Тафт... окажется для нее слишком либеральным и не будет в состоянии ею руководить».

Но была ли действительно победа левых в Чикаго? Это трудно допустить, если принять во внимание платформу партии по вопросам внутренней политики, равно как и тот факт, что на роль вице-президента назначен был человек хотя и молодой годами, сенатор Никсон, но по духу своему полностью принадлежащий к «старой гвардии».

Полномочия президента, действительно, очень велики в США, но конституция и традиции предусматривают, что избранный президент при наличии двухпартийной системы, должен править в полной гармонии с той партией, которая его провела в Белый Дом и которая, логически, должна иметь большинство в конгрессе. Если же, как это не раз уже случалось, состав Конгресса, избранного в ноябре, не будет в полном согласии с линией новоизбранного президента, то все его полномочия окажутся иллюзорными. И при назначении высших членов администрации, и при всех ответственных актах внешней политики Сенат США играет совершенно исключительную роль. Мало того, Конгресс может заставить президента пропустить такие законы, против которых он сам решительно возражает и считает гибельными, и, наоборот, провалить те мероприятия, которые президент считает совершенно необходимыми для блага страны.

Будет ли Эйзенхауэр, получивший кандидатуру в Белый Дом, располагать, в случае своего избрания в президенты, **своим** большинством в Конгрессе? На этот вопрос сейчас никто не может ответить, как никто не может сказать, получит ли демократический кандидат, если он будет избран, демократическое большинство в Сенате и Палате представителей.

Вот почему будущая политика администрации Эйзенхауэра в случае избрания последнего представляется совсем неясной. Ведь на примере последних лет правления Трумана мы видим, насколько неуверенной и шаткой становится политика президента, если он не имеет прочного и преданного ему большинства в Сенате и Палате. Проходят законы, против которых он ведет публично борьбу, проваливаются важнейшие мероприятия, за которые он ратует. И страна идет туда, куда президент не хотел бы ее вести.

Вопрос о политике Эйзенхауэра сводится, поэтому, к двум моментам: во-первых, найдет ли он нужную поддержку в самой республиканской партии и пойдут ли кандидаты партии на выборы с его лозунгами? Во-вторых: получит ли последняя, в упорной борьбе с демократами, нужное большинство в обеих палатах Конгресса?

Наиболее вероятным, при данном соотношении сил, представляется положение, при котором кандидаты республиканской партии на ноябрьских выборах будут назначены старой республиканской партмашиной, т. е. они будут в своем большинстве, — кроме нескольких штатов, — сторонниками Тафта-Никсона. Если они будут избраны, они в Палате и Сенате будут поддерживать не политику президента Эйзенхауэра, а своих подлинных вождей.

Между тем, Эйзенхауэр, мало сведущий в вопросах внутренней политики, в общем и целом покорно шел за консервативно-реакционным партаппаратом старого республиканского руководства. Изменится ли это в будущем, после победы в ноябре? Или же победивший в Чикаго Эйзенхауэр в больших вопросах американской политики окажется пленником тех, над которыми он в Чикаго одержал победу?

Это относится не только к вопросам внутренней политики, вопросы внешней политики в настоящую эпоху вовсе не такого характера, чтобы их можно было раз навсегда разрешить принятием той или иной платформы. Внешняя политика США, это длительный процесс, в котором происходят подъемы и падения, уклоны и выпрямления, в котором принятые решения часто отражают компромиссы, принятые в борьбе внутренних факторов, или в стремлении примирить противоречивые интересы различных союзных государств, или даже противоречия между интересами или строем США и других, союзных с ней держав.

Парижский «Монд», преемник довоенного «Тан», но с уклоном в сторону нейтрализма, в связи с победой Эйзенхауэра в Чикаго указывает на почти непримиримое противоречие, в которое попадает экономическая и торговая политика США, когда, с одной стороны, США тратят десятки миллиардов для улучшения экономического состояния, а с другой стороны вводят запретительные ввозные пошлины на все те продукты, которые европейские страны (или Япония) могли бы ввозить в США, чтобы получить таким путем столь необходимые им доллары?!

Эта проблема и сейчас трудно разрешима, и президент Труман как раз в эти дни созывает особое совещание, чтобы решить вопрос о снятии барьеров, препятствующих торговым сношениям между США и другими странами. Но каким образом — спрашивает французский орган, — сможет эту проблему разрешить республиканская партия, являющаяся проповедницей самого оголтелого протекционизма в США?!

Когда Эйзенхауэр победил на Чикагском конвенте, европейские газеты, — английские, французские, шведские и др. — вышли с аншлагом: «Конец изоляционизма в США». Нет сомнения, что изоляционизм потерпел в Чикаго серьезное поражение: даже самые фанатические сторонники Тафта не посмели дать Эйзенхауэру бой на этом вопросе.

Но изоляционизм, это — явление, вернее настроение, не поддающееся точному определению. Оно может принимать самые различные формы и воплощения. Оно может проявиться, напр., в стремлении к экономии, к сокращению кредитов на военные нужды до пределов, опасных для мировой роли США. Политика вооруженного мира, которую в Чикаго на словах приняли все, предполагает готовность народов — и их правительств — в течение ряда лет, м. б., даже десятилетий, отдавать значительную часть народного дохода на до-вооружение и на военную помощь другим странам. Сможет ли проводить такого рода политику партия, руководство которой внутренне не убеждено в правильности этого пути? Не лопнет ли у нее терпение, и не предложит ли она в один прекрасный день своему народу махнуть рукой на безопасность Европы и Азии и уйти в «свои собственные дела»? И не будет ли это практически чистейшей воды изоляционизмом, воскресшим после своей мнимой смерти в Чикаго?!

Проводить такого рода политику, психологически трудную и связанную с большими жертвами для народа, может только партия, все мировоззрение и весь пафос которой проникнуты настроением активной внешней политики, а не партии, подлинная страсть которой влечет ее к изоляционизму.

Вот почему победа Эйзенхауэра еще отнюдь не означает конца изоляционизма в США. Ему может положить конец только победа демократической партии, — или, на что надеется Липман и что крайне невероятно, — способность Эйзенхауэра радикально перестроить республиканскую партию, освободить ее от старого, реакционного «партаппарата» и наполнить ее новым духом, новым подходом к мировым и внутренним проблемам.

Между тем, демократическая партия еще не вышла из того состояния выжидания, в которое она приведена решительным отказом Трумана снова выставить свою кандидатуру в президенты. Но нет сомнения, что она скоро перейдет в политическое наступление. Ей будет трудно найти кандидата, который бы хоть сколько-нибудь приближался к той широкой личной популярности, которой пользуется генерал Эйзенхауэр. Ни Харриман, ни даже Стивенсон, уже не говоря о Кифовере, не привлекут к себе воображения избирателей. Но демократическая партия имеет то, чем даже в отдаленной степени не располагает партия генерала: широкую программу социального и политического прогресса, подлинный интернационалистический подход, единственно гарантирующий и стране, и всему миру последовательную политику, направленную не на узко-национальные цели, а имеющую в виду мировую перспективу.

Что победит — притягательная сила большого человека, попавшего в плен к партии прошлого, или сила прогрессивной идеи, представленной средним человеком? Этого предсказать не может сейчас никто.

С. ШВАРЦ

НА АЛТАРЬ ТОТАЛИТАРИЗМА

Если бы кто-либо два-три года назад высказал мысль, что переговоры о перемирии — не о мире, а только еще о перемирии! — могут продолжаться более года, на него, вероятно, посмотрели бы, как на беглеца из дома для умалишенных. История такого прецедента не знала. Но за последнее время мы ко многому привыкли, и сейчас никто уже не удивляется, что переговоры о перемирии в Корее тянутся целый год и явно приняли такой характер, что и конца им не видно.

На всех этих переговорах лежит печать чего-то нереального. Казалось бы, по всем вопросам, кроме одного, наметилась возможность соглашения. И только по вопросу о репатриации военнопленных занятые сторонами позиции оказались непримиримыми. Объединенные Нации, т. е. американцы и их союзники (или просто союзники) настаивают на добровольной репатриации: каждому пленному должно быть предоставлено **право** репатриироваться, но применять силу, чтобы **заставить** его вернуться к «своим», союзники не будут. Союзники заявили с полной категоричностью, что это для них вопрос принципа, что на насильственную репатриацию они ни при каких условиях не согласятся. Трагический опыт 1945-46 годов, когда в силу ялтинского соглашения союзники предоставили советским властям возможность насильственно «репатриировать» в Советский Союз бывших советских военнопленных, не прошел для американцев даром. Но северо-корейцы и китайцы настаивают на принудительной репатриации военнопленным и о предоставлении военнопленным права самим решать, репатриироваться ли им или нет, и слышать не хотят. В своем требовании принудительной репатриации они непоколебимы и готовы во имя этого требования продолжать войну бесконечно.

В надежде сдвинуть вопрос с мертвой точки, союзники провели в марте-апреле среди взятых ими в плен северо-корейцев и китайцев опрос об их отношении к репатриации. В союзнических военных кругах ожидали, что значительное большинство военнопленных ответит утвердительно на вопрос о готовности их репатриироваться, и что коммунисты после этого не будут настаивать на принудительной репатриации незначительного меньшинства. Коммунисты в свою очередь ожидали, что результаты опроса будут относительно благоприятны для них и не возражали против такого опроса (не протестовали против него, пока результаты опроса не были опубликованы). Результаты эти оказались неожиданными для обеих сторон. Огромное большинство военнопленных северо-корейцев и китайцев на вопрос о желании их репатриироваться ответило отрицательно, а многие из них заявили, что будут всеми силами сопротивляться репатриации. 28-го апреля американский представитель в смешанной комиссии в Панмунжоне, в которой ведутся переговоры о перемирии, заявил, что из 170.000 военнопленных северо-корейцев и китайцев только около 70.000 выразили желание быть репатриированными и что около 100.000 мысль о репатриации категорически отклонили. Впоследствии выяснилось, что и это еще были слишком благоприятные для коммунистов данные: оказалось, что в число 70.000 готовых к репатриации были включены без опроса 45.000 военнопленных, находившихся на острове Коджэ в бараках для военнопленных, в кото-

рых безраздельно господствовали коммунисты. Когда два месяца спустя террористическая власть коммунистов в бараках для военнопленных на острове Коджэ была сломлена, и среди 45.000 ранее не опрошенных был произведен опрос об их отношении к репатриации, то и среди них оказались тысячи, отвергших репатриацию (см. «Нью-Йорк Таймс» от 23-го июня; в то время, когда пишутся эти строки, точные цифры еще не опубликованы).

Для коммунистов это было тяжелым моральным ударом, который совершенно вывел коммунистических делегатов в Панмунжоне из состояния душевного равновесия. Союзники не облегчили им их положения. Со всей твердостью подчеркнув, что они репатриируют только тех военнопленных, которые добровольно примут репатриацию, союзники заявили, что они готовы допустить после заключения перемирия повторный опрос отказавшихся от репатриации, причем новый опрос должен быть произведен под контролем международной нейтральной комиссии и к этому опросу будут допущены и представители северо-корейских и китайских военных властей. Это предложение должно было устранить даже и тень сомнений в свободном характере решения военнопленных о репатриации.

Прошло четыре дня, прежде чем коммунисты собрались с мыслями, чтобы ответить на это предложение. Казалось, что отклонить его было просто невозможно. Казалось, если у коммунистов есть хоть тень веры, что голосование военнопленных было вынужденным и не выражало их действительных желаний, сами тем более должны были подхватить мысль о новом голосовании под нейтральным контролем и при их участии. Единственное требование, которого, может быть, можно было разумно ожидать от коммунистов, это требование о каких-либо дополнительных гарантиях действительно свободного голосования. Ко всякому такому требованию, имеющему целью обеспечение свободы голосования военнопленных, а не срыв опроса, союзники отнеслись бы с симпатией. Но коммунисты хорошо знают, что никакие гарантии им не помогут: чем бесспорнее будет свободный характер голосования, тем решительнее будет их моральное поражение. И как это ни было трудно, коммунисты ответили на предложение союзников категорическим «нет». Глава коммунистической делегации в Панмунжоне, генерал Нам Ил или, как его называют в советской печати, Нам Ир (ухо, привыкшее к европейской фонетике, плохо различает между звуками «р» и «л» в китайских, японских и корейских именах) вот уже два месяца изо-дня в день не перестает протестовать против принципа добровольной репатриации вообще против «нового отбора» в особенности, но аргументы его от частого повторения не становятся убедительнее. "Ваша так называемая «добровольная репатриация» представляет попытку задержания более 100.000 корейских и китайских военнопленных, является нарушением всех принципов международного права и полностью противоречит положениям Женевской конвенции... Ваше предложение о проведении на месте расследования результатов так называемого «отбора» после подписания соглашения о перемирии является еще более нелепым. Ваши планы принудительного задержания наших захваченных военнопленных... не нуждаются ни в каких расследованиях. Это стало уже общеизвестным фактом» (Нам Ир, 8-го мая, здесь и ниже цитировано по «Правде»). Особенно больно ударило коммунистов предложение о повторном опросе военнопленных при их, коммунистов, участии, но под нейтральным международным контролем, «абсурдное предложение» о совместном проведении так называемого открытого и справедливого «нового отбора»... Ни одна честная и беспристрастная организация не будет одурачена и не дейдет до того, чтобы направить своих представителей в ваши лагери для военнопленных для проведения незаконного «нового отбора...» (Нам Ир, 15-го мая). И т. д., без конца.

В самом Советском Союзе компартия все же не решилась поднять по этому вопросу широкую «кампанию», явно не веря в убедительность приведенной только что аргументации для достаточно искушенной советской аудитории. Истерические аргументы Нам Ира остаются похороненными в мало читаемых телеграммах о панмунжонских переговорах, и «Правда» ни разу не решилась посвятить этому вопросу специальную статью. Эта сдержанность не могла, конечно, вызвать восторга китайских коммунистов (с северо-корейскими коммунистами в Москве меньше считаются), которые явно чувствуют потребность в поддержке «старшего брата»; и чтобы несколько смягчить положение, «Правда» перепечатала (12-го мая) — но и то не в статейном порядке, а в сообщениях из-за границы — обширную редакционную статью пекинской газеты «Женьминьжибао» о панмунжонских переговорах. Надолго этого, конечно, не могло хватить, и в конце мая был созван в Москве «общегородской митинг трудящихся» для выражения протеста против требования «американских агрессоров» о «так называемой добровольной репатриации». Особенно потрудился на этом митинге профессор Ф. И. Кожевников, протестовавший против того, что «американские агрессоры выдвинули сейчас на переговорах о перемирии в Корее в ультимативной форме совершенно ничем не обоснованное, грубо противоречащее международному праву и принципам гуманности условие о так называемой «добровольной» репатриации военнопленных». А выступавший на том же митинге председатель московского комитета Красного Креста д-р М. Ф. Дворниченко, упреждая возможность привлечения к опросу военнопленных Международного Красного Креста, с особенной резкостью обрушился на «так называемый «Международный» Комитет Красного Креста»: «это комитет 19 швейцарских банкиров и промышленников, тесно связанных с американскими монополистами и действующих в угоду им» (подробный отчет о митинге напечатан в «Правде» от 30-го мая). — Но и этот митинг был лишь эпизодом и отнюдь не явился сигналом для очередной широкой «кампании». Знает кошка, чье мясо съела.

Коммунистов в Панмунжоне ждало, однако, новое тяжелое испытание. Из заседания в заседание Нам Ир повторял и повторял свой тезис о принципиальной неприемлемости, просто «абсурдности» самой идеи добровольной репатриации. Но вот 21-го июня глава делегации союзников генерал Гаррисон прочел сшеломленным коммунистам небольшую лекцию по международному праву по советским источникам. Для простоты изложения я ограничусь ниже выдержкой из изданного осенью прошлого года Институтом Права Академии Наук СССР

обширного курса «Международное право», являющегося сейчас основным пособием по международному праву для юридических высших учебных заведений Советского Союза и послушавшего основным источником для пан-мунжонской лекции генерала Гаррисона. Курс этот составлен под общей редакцией члена-корреспондента Академии Наук, профессора Е. А. Коровина, наиболее авторитетного советского международника, и в составлении курса, кстати сказать, принимал участие и упомянутый выше профессор Ф. И. Кожевников, так горячо доказывавший на недавнем московском митинге, что требование добровольной репатриации «грубо противоречит международному праву и принципам гуманности».

В главе XI этого курса, посвященной «законам и обычаям войны», в отделе о военнопленных, мы читаем:

> "**Руководясь... указаниями товарища Сталина**, 8-го января 1943 года, советское командование предъявило ультиматум командованию окруженных под Сталинградом германских войск, в котором гарантирует "всем прекратившим сопротивление офицерам и солдатам жизнь и безопасность, а после окончания войны возвращение в Германию **или в любую страну, куда изъявят желание военнопленные**" ("Известия", 17 января 1943 года).
>
> "**Актом проявления величайшего гуманизма** прозвучал советский ультиматум, направленный окруженным вражеским войскам в районе Будапешта. **"Руководясь гуманными целями, в соответствии с международными правилами и обычаями ведения войны"**, Советское правительство гарантировало: ..... 3) сдавшимся немецким военнослужащим возврат в Германию **или любую другую страну** после окончания войны; 4) сдавшимся венгерским военнослужащим после регистрации и допроса роспуск по домам" (стр. 527-528, подчеркнуто мною).

Принцип добровольной репатриации, как «проявление величайшего гуманизма», «в соответствии с международными правилами и обычаями ведения войны», и все это освящено к тому же именем «товарища Сталина»!— Когда Гаррисон кончил свою «лекцию», на момент наступило смущение, а затем Нам Ир повторил свою обычную аргументацию, заявив, что на речь Гаррисона он еще ответит в ближайшие дни.

Через два дня Нам Ир, наконец, ответил. На его беспомощной аргументации подробно останавливаться не стоит, да и знакома она нам пока лишь в кратком изложении корреспондентов американских газет. Но основная мысль Нам Ира совершенно ясна. Советский пример, — конечно, это пример величайшего гуманизма, — никак не оправдывает «американских агрессоров». То, что правильно, справедливо и гуманно в практике Советского Союза (или «народных демократий»), возмутительно, несправедливо и жестоко в практике Америки и ее союзников. В отношении германских и венгерских военнопленных принцип добровольной репатриации с необходимостью вытекал из «правил и обычаев ведения войны». Для военнопленных из стран сталинского коммунизма или народных демократий применение этого принципа немыслимо.

Почему? — Нам Ир не договаривает и, может быть, даже не в полной мере отдает себе отчет. Но в основе этой двусмысленной концепции действительно лежит определенное мировоззрение. Когда армия коммунистического государства берет пленных, этим пленным по окончании войны должно быть предоставлено право добровольной репатриации; это и гуманно, и отвечает правилам и обычаям ведения войны, и вытекает из принципа личной свободы. Но в мире сталинского коммунизма личность и ее интересы всецело поглощаются государством; поэтому право сев.-корейских или китайских военнопленных на репатриацию это лишь право северокорейского и китайского правительств на своих граждан, оказавшихся в плену. Признание за ними права на добровольную репатриацию глубочайшим образом противоречит самым основам «сталинского учения о праве и государстве». Тоталитарная государственность требует человеческих жертвоприношений.

ОТКЛИКИ НА ОБРАЩЕНИЕ 14-ти

К обращению российских социалистов

А. Вересов

Как один из сочувствующих идеям социальной демократии, я искренно приветствую объединение социалистов всех фракций и групп российской эмиграции. И наряду с этим я позволю себе высказать несколько замечаний и пожеланий, которые назрели у нас, друзей социализма. Начну с той части Обращения, в которой констатируется: «в стране, проделавшей в течение одной трети века опыт «большевистского социализма», положение подлинного демократического социализма будет чрезвычайно сложным и трудным». «По показаниям новых и новейших беженцев «оттуда», широкие слои советских народов с острой ненавистью относятся ко всему, что связано с «социализмом» в его сталинском понимании». Соглашаясь с тем, что переход страны, веками закованной в цепи политического и социального рабства, на рельсы демократии и свободы будет делом сложным и трудным, я невольно ставлю вопросы: А какие иные идеи ближе и понятней советскому народу? Монархизма? Национализма? Национал-социализма? Реставрации частно-капиталистического хозяйства и экономики страны? Но ведь реставрацию дореволюционного прошлого отвергают почти все эмигрантские группы. Приговор монархии осуществлен в дни февральской революции буквально всем народом. Идеологов национального социализма и их гитлеровских опекунов советский народ разгромил в годы второй мировой войны и изгнал из пределов Родины. Мне могут сказать: но, позвольте, вы забыли национальные стремления порабощенных большевизмом народов. На арену выступят белорусские «президенты», «уряды» и политики с ссылкой на непрерывную борьбу белоруссов за национальное освобождение Белоруссии от москалей. Напомнят о многочисленных жертвах этой борьбы. Тем, кто не знает подлинного характера этих событий, я хо-

тел бы напомнить следующее. Никогда за последние сто лет (беру наиболее раннее время) в среде белорусского народа не существовало желания отделиться от москалей, от России. Лучшие сыны Белоруссии, начиная от Вс. Игнатовского и кончая Червяковым, погибали не во имя идей национализма. Этим людям, которых знал лично автор этих строк, чужды были узкие рамки национализма. Они гибли во имя идей демократии и свободы, погибали обманутые жестоким и коварнейшим диктатором 20 века.

Но как же быть? Авторы обращения, люди с огромным политическим опытом, говорят, что по свидетельству новых и новейших «там» с острой ненавистью относятся к слову «социализм» в его сталинском понимании, как добавляют авторы обращения. По-моему, к этому утверждению надо подойти более осторожно. Приведу пример. Как известно, после октябрьской революции заграницей оказалась небольшая прослойка демократов и социалистов. Число монархистов достигало 80% всей эмиграции. Если механически подойти к этому вопросу и мнение эмиграции признать за глас народный, «там» ошибочность такого подхода будет очевидна каждому.

И сейчас, читая такое утверждение, я невольно думаю: не совершили ли ошибки авторы Обращения, утверждая об острой ненависти народа «там» к идеям социализма? Напомню, что я — новый — всю жизнь до отъезда заграницу работал на заводе рабочим или мастером. И я утверждаю, что не только я, но и мои друзья неплохо понимали разницу между сталинским и подлинным социализмом и демократией. Мне говорят, что мы, новые и новейшие, отталкиваемся от понятия социализма. Но позвольте, в мою бытность в Германии я говорил не только с новыми, но и с большим количеством новейших, и я оспариваю это утверждение; мало того, я считаю его неправильным и даже обидным. На самом деле. Разве новые и новейшие не поддержали Лигу Борьбы, основанную социалистами и демократами? Разве эти люди не писали, не искали моральной поддержки? Разве, наконец, не боролись за идеи социальной демократии с реакционерами фашистского и национал-социалистического толка, жертвуя очень многим? Но кто из авторов Обращения протянул нам руку дружбы и моральной поддержки, в которой мы очень нуждались? Кто? А, может, наоборот, помогли разрушить и то, что создавалось с большим трудом?

Заканчивая свою статью, я хочу напомнить слова Р. Абрамовича: революция февральская, демократическая, оказалась не в силах «убить войну» в результате расхождения, создавшегося между реальным положением в стране и морально-политическим мироощущением решительно всех **верхних слоев общества.** Этот трагический урок, по-моему, ни в коем случае не должен повториться. И старая гвардия социалистов должна найти пути к миллионам тружеников, готовых бороться и защищать идеи народоправия и свободы.

О. ВЕРЬХИВСКИЙ

По поводу «Обращения с.-д. и с.-р.»

В "Соц. Вестнике" № 3 (651) появилось "Обращение" за подписью четырнадцати социалистов (с.-д. и с.-р.) об **единой социалистической партии.** Там же, ниже, напечатано приглашение редакции к деловой критике. Термин "деловая критика" для меня не совсем понятен, ибо я не считаю "делом" и самое "Обращение", — оно является только попыткой создать новую партию демократического социализма, который надо идеологически и научно обосновать, а потом уж и критиковать. Сейчас же еще нечего критиковать, — я только хочу высказать некоторые соображения по поводу самого "Обращения".

Прежде всего я хочу заявить, что сам я не социалист и никогда таковым не был, однако я никогда не выступал против социализма, как обоснованного учения о социализации производства, организации труда, распределении общественных благ и т. п. Я считал и считаю, что капитализм с его буржуазной структурой не вечен, — придет время, и на его смену придет иная форма общественного бытия. До экспериментов Ленина в России и прихода к власти Сталина я допускал мысль и о социализме. Но "опыт" Ленина заставил меня думать, что дело не в социализме, а в культуре нашего духовного "я" и общей человеческой морали. Я, конечно, не отбрасываю экономических предпосылок, но считаю, что дело решают разум, совесть и мораль. К тому же, за сорокапятилетний период моей сознательной жизни "предпосылки" учения Маркса о пролетаризации, росте рабочего класса, его гегемонии и т. п. теряют свой смысл. Статистика показывает (особенно в Америке), что классовый прирост идет не в сторону увеличения количества рабочих, а как раз в сторону "буржуазной надстройки", сиречь: служащих, обслуживающих, техников, заводских чиновников, всяких контролеров, агентов, страховщиков и т. п. В Америке рост этих профессий постепенно перекрывает прирост рабочего класса. В силу этого азбука социализма перестает быть классической грамотой его и дает трещины в теоретическом здании, построенном Марксом. Кроме того, есть и другие "пугающие" явления, как, например, атомная энергия — на чью мельницу она будет лить свои "калории"? Не разобьет ли она марксово здание в пух и прах? Все возможно, ибо нет ничего вечного — не вечен, конечно, и марксизм, как социалистическое учение. Говорить же о народническом социализме эсэров с их черным переделом (народовольцы) вряд ли уместно после уроков Ленина.

Что же даст новая партия демократического социализма, если она соединит идеологию народничества и марксизма? Демосоциалистическую науку? Ответ могут дать только те, кои хотят создать единую социалистическую партию.

***

По существу самого "Обращения" (абзацы 2, 3 и 4) сказать нечего, ибо там все ясно для каждого мало-мальски грамотного политика вплоть до слов бельгийского социалиста Вандервельде: "Социализм будет социализмом свободных людей, или его вовсе не будет"; под этим я подписался бы с убеждением, что лучше не скажешь.

А поскольку все "Обращение" идет под этим крылатым афоризмом в целеустремлении к широте, терпимости, гуманности и свободолюбию, то я — не-социалист — приветствую его. Но мой привет не социалистический, а демократический, так как я считаю объединение эсдеков и эсэров важным не с точки зрения создания новой социалистической партии, а с точки зрения объединения всех демократических сил в борьбе с тоталитарным социализмом. Эсдеки и эсэры, как демократические партии с большим политическим стажем и славной историей их борьбы за свободу угнетенных (рабочих и крестьян) могут (и должны) сыграть решающую роль в борьбе человечества со сталинизмом.

Открытое письмо редактору «С. В.»

Глубокоуважаемый Рафаил Абрамович,

Ознакомившись с опубликованным в «Социалистическом Вестнике» от 3-го марта 1952 г. обращением «На путях к единой социалистической партии», подписанным 14-ю старыми российскими социалистами, и признавая абсолютную своевременность (если не запоздание) инициативы по созданию Единой социалистической партии в после-большевистской России, я полностью присоединяюсь к основным мыслям обращения.

Со своей стороны, мне бы очень хотелось, и я прошу Вас, если это возможно, чтобы вопросы и ответы, возникающие на путях создания Единой социалистической партии, освещались не только в «Социалистическом Вестнике» в порядке «Свободной трибуны», но и в другой периодической печати, по Вашему выбору, более распространенной в массе беспартийной эмиграции.

Мое пожелание вызывается существующим положением, занятым «Социалистическим Вестником» в эмигрантской среде, как журналом серьезным, который читается, в основном, читателями, организационно входящими в РСДРП, или другие социалистические объединения, и беспартийными читателями, но примыкающими полностью к социалистической идеологии демократического социализма.

Что же касается эмигрантской беспартийной массы, настроенной в духе демократического социализма, но не совсем еще в этом вопросе определившейся, то она, если хотите знать правду, находится вне сферы влияния социалистической мысли и печати, «открещиваясь» в то же время от полуфашистской и реставраторской печати.

Второе мое пожелание заключается в том, чтобы инициативная группа или отдельные ее члены осветили в печати точку зрения инициативной группы по следующим вопросам после-большевистской России:

Первый вопрос: как предполагается сформулировать в программе Единой социалистической партии решение вопроса о сельском хозяйстве?

Указание в «Обращении», что «советский человек за плановое хозяйство, в решающей части обобществленное», может очень многих привести к грустному отрицательному размышлению в том отношении, что борьба с большевизмом в столь важном вопросе, для народов после-большевистской России, может свестись к результатам, не оправдывающим себя.

Я полагаю, что по вопросу сельского хозяйства и землепользования в после-большевистской России здесь и эмиграции можно принять только одно принципиальное решение, сводящееся к предоставлению свободной формы землепользования в сельском хозяйстве, определяемой демократическим волеизъявлением крестьян, объединяемых территориально существующими коллективными хозяйствами.

Причем необходимо подчеркнуть, что общее расширение посевной площади за счет скотоводческих ферм, за счет хозяйств государственного коневодства должно в каждом отдельном случае решаться после-большевистским правительством России, или национальной республики, в зависимости от результатов народного плебисцита.

Решение, не определяющее принципов расширения посевной площади, может привести к полному уничтожению крупного и мелкого поголовья скота, а также конского поголовья. И второй вопрос: — национальный

Национальный вопрос в эмигрантской среде разъединяет все национальные группы чрезвычайно острой непримиримостью и враждебностью, доходящей до открытого террора над инакомыслящими.

В то же время этой национальной вражды, существующей в эмиграции, там, за «Железным занавесом», до 1942 года никогда не было, т. е. до моего отъезда с Украины, и, надо полагать, и сейчас ее нет, как бы меня ни убеждали в обратном многие, в том числе и мои земляки — украинцы.

Там, за «Железным занавесом», народы всех национальностей: русские и украинцы, белоруссы и узбеки — все считают себя в одинаковой степени несчастными, жаждущими своего освобождения от коммунистического рабства — социализма сталинского толка.

Впрочем, необходимо отметить, что все эмигрантские группы считают возможным для себя говорить: от имени всех народов России — русская группа и от имени всего своего народа.

Между тем, народы, находящиеся за «Железным занавесом», никогда не уполномачивали эти эмигрантские группы, и русскую и национальные, решать в эмиграции такой сложный и важный для жизни народов вопрос, не спросив прежде всего его (народа) мнение. И, конечно, какое бы здесь, в эмиграции, ни было принято решение, оно, естественно, вызовет бурю негодования всех народов России.

Единственная формулировка национального вопроса, по моему мнению, которая будет с одобрением принята всеми народами России, это: свободное самоопределение всех народов после-большевистской России путем плебисцитов под наблюдением Объединенных Наций.

Другого решения здесь, в эмиграции, и быть не может!

Уважающий Вас **П. Мороз**

Особо не могу не указать на явные лапсусы утверждений в первом абзаце "Обращения". Таковыми я считаю:

1 — "Отталкиваясь от всего, что сталинский режим выдает за "социализм" и "марксизм", советский человек в то же время социалист в том смысле, в каком социализм без кавычек понимается в странах Западной Европы". Меня крайне поражает это утверждение. Советский человек о социализме **без кавычек** имеет такое же представление, как я о науке марсиян. В СССР все социалисты уничтожены **физически,** а идеология не зарождается от соприкосновения воздуха с землей. Интеллигенция СССР (это можно видеть на новой эмиграции) в социализме разбирается слабо, а народ знает социализм по портретам Маркса-Энгельса-Ленина-Сталина...

2. "За крушением диктатуры немедленно следует возрождение социалистического движения" — это утверждается ссылкой на опыт Италии и Германии. Здесь явная натяжка — особенно в отношении Германии. Но если бы даже это было так, то проводить аналогию с Западной Европой вряд ли допустимо. Это все равно, что сравнивать свободных рабочих Америки с советскими роботами СССР. Они росли и развивались в течение 35 лет при совершенно различных (диаметрально-противоположных) условиях.

П. БЕРЛИН

ЭПИСТОЛЯРНАЯ ЛИТЕРАТУРА

Напечатанное в «Соц. Вестнике» заявление 14 представителей социалистических партий вызвало читательские отклики, помещаемые в этом номере журнала. Они не многочисленны, и, тем не менее, заслуживают внимания. Прежде всего, они опровергают широко распространенное убеждение, что в советской России насеяние, вот уже тридцать лет прогоняемое сквозь жестокий строй большевистского социализма, проникло люлютую ненависть привезла с собою новая эмиграция. тою ненавистью ко всякому социализму вообще. И эту Как всегда, и это огульное обобщение нуждается в поправках. И печатаемые отклики вносят эту поправку. Если украинский публицист Олесь Верьхивский говорит в своем отклике, что «советский человек о социализме без кавычек» имеет такое же представление, как я о наруке марсиан», то другой новый эмигрант, А. Вересов, наоборот, пишет: «Мне говорят, что мы, новые и новейшие, отталкиваемся от понятия социализма. Но позвольте, за мою бытность в Германии я говорил не только с новыми, но и с большим количеством новейших, и я оспариваю это утверждение, мало того, считаю его неправильным и даже обидным». И он пишет далее: «Напомню, что я, новый, всю жизнь до отъезда заграницу работал на заводе как рабочий и мастер. И я утверждаю, что не только я, но и мои друзья не плохо понимали разницу между сталинским и подлинным социализмом». А в письме, полученном мною лично от видного нового эмигранта, пробывшего пять лет в концентрационном лагере и таким образом познавшего, что такое большевистский социализм, я читаю: "Я рассматриваю декларацию 14-ти, как эмбрион будущей рабочей партии в посталинской России». И он с горечью упрекает «Социал. Вестник» за отсутствие веры в существование социалистически настроенных элементов среди новой эмиграции и за то, что «Соц. Вест.» не «оброс» молодыми элементами из новой эмиграции не потому, что их нет, а потому, что их не ищут и не организуют.

Не приходится предаваться иллюзиям: сознательно социалистически настроенных элементов мало в новой эмиграции, но полученные отклики показывают, что они все же существуют, и я думаю, что они находятся в процессе роста. Ведь новая эмиграция существует уже несколько лет, и на те ее настроения и взгляды, которые она вывезла из сов. России, за эти годы наслоились и наслаиваются новые впечатления и взгляды, рожденные уже не советской, а европейской и американской обстановкой и атмосферой. И тут даже те, которые из советской России вывезли представление о социалистах и социализме такое же, как о концентрационных лагерях, успели в Европе насмотреться на иных социалистов. Они увидели, что в странах, где, как, например, в Скандинавии, социалисты находятся у власти, там не только нет никакого закрепощения рабочих и крестьян, никаких концентрационных лагерей и каторжного законодательства о труде, но там и свобода, и уровень жизни всех трудящихся очень высок, и кроме того, во всех этих странах самым убежденным и сильным врагом советского коммунизма и тоталитаризма вообще являются социалисты.

А иные из них, как правильно указывает А. Вересов, и в России знали разницу между сталинизмом и марксизмом..

Если в первое время появления новой эмиграции мы по ней судили, чем стали люди в советской стране, то теперь, через несколько лет, мы должны судить, — чем они становятся в Европе и Америке. Это процесс длительный и очень пестрый, но несомненно, что многие становятся иными, проникаются иными настроениями и взглядами, уже по европейскому опыту.

Вследствие этого, мы имеем новую эмиграцию в двух аспектах: чем часть ее стала, когда жила в условиях советской тоталитарной жизни, и чем она становится, живя в свободных странах.

Новая эмиграция имеет то очень большое преимущество перед старою, что она моложе. Молодость и сама по себе ценный дар, но сверх того, она дает новой эмиграции больший шанс дожить до падения большевизма и войти в возрождающуюся и перестраивающуюся Россию пусть малою, но все же слагаемою силою. Отсюда вытекает повелительная необходимость набираться заграницею возможно большими знаниями и умениями. Вся жизнь всех стран сейчас охвачена самым глубоким и широким творчеством новых, более справедливых и рациональных форм социальной, экономической и культурной жизни. Полными пригоршнями может черпать новая эмиграция из накопившегося и беспрерывно обогащающегося опыта европейской и американской борьбы за лучшую жизнь.

И чем глубже и шире войдет новая эмиграция в этот процесс накопления всяческих профессиональных знаний и умений, тем более желанной будет она в новой России, где повсюду будет чувствоваться острый недостаток квалифицированных специалистов всех областей, вооруженных американским и европейским опытом.

Всякий, кому приходилось получать письма от новой эмиграции или знакомиться с этого рода эпистолярною литературою, не мог не заметить, что во многих разбросанных углах эмигрантского рассеяния ставятся многие вопросы, волновавшие русскую интеллигенцию и вызывавшие жаркую, страстную полемику и в кружках, и в литературе. Конечно, вопросы эти получают сейчас иную постановку и иное разрешение на основании «ума холодных наблюдений и сердца горестных замет». Передо мною пачка писем новой эмиграции, частью полученная мною лично, а частью пересланная мне упомянутым представителем новой эмиграции, тем, который упрекал «Соц. Вестник».

Некоторые из этих писем живо напоминают те споры, которые велись во второй половине девяностых годов на страницах журналов «Новое Слово», «Начало», «Жизнь». Между двумя новыми эмигрантами идет спор, как надо вычислять в современном капиталистическом хозяйстве норму прибыли, прибавочную ценность и какова их тенденция развития. Какую регулирующую роль играет теперь в капиталистическом хозяйстве, в значительной части огосударствленном, рынок, какова доля рабочего класса в национальном доходе? Спор о бернштейнианстве и т. д.

Во всех этих спорах большая путаница. Сплошь и рядом спорящие друг перед другом с увлечением откры-

вают Америку, воображая себя Колумбами. Но споры эти показывают, что в среде новой эмиграции, конечно, в очень небольших группах, начинают подниматься вопросы, столь характерные для русской интеллигенции и которые в дальнейшем развитии могут создать особое течение, которое протянет нити понимания к старой эмиграции, тоже охваченной поисками новых путей, выводящих из создавшегося тупика. Не стану останавливаться на указанных совершенно отвлеченных вопросах. Отмечу, что в этой эпистолярной литературе новой эмиграции пульсирует типичная интеллигентская мысль, стремящаяся теоретически осмыслить все совершающееся и насадить на соответствующую идеологическую лавку. Остановлюсь на некоторых любопытных спорах между двумя переписывающимися новыми эмигрантами. Возник спор: что предпочитает народ, чему должен он отдать большее предпочтение — «капиталистическим варенькам и галушкам», или же «коммунистическому черному хлебу»?

Один корреспондент восклицает: «Где можно найти дураков, которые поверят, что социалистический черный хлеб вкуснее капиталистической ватрушки!». Это пишет новый эмигрант, проникнутый чувством реализма и не верящий в то, что ради социализма люди готовы питаться черным хлебом, да еще по голодной норме. Но его приятель не согласен с ним:

«Я тебе скажу, что этих дураков, предпочитающих черный социалистический хлеб капиталистическим ватрушкам, ты найдешь в СССР, в Китае, в народных демократиях, завтра, наверное, еще дальше. Люди в СССР, в Китае, в народных демократиях стонут в мечтаниях о ватрушках капитализма, но при столкновении ватрушки с черным хлебом пошлют ко всем чертям именно ватрушки, а не черный хлеб. Вот почему я не теряю свой теоретический тезис, что сталинизм можно свалить только с социалистического, а не капиталистического хода».

Но при этом некоторые из них до сих пор убеждены, что виноват во всем не большевизм, а только сталинизм, и если вернуться к Ленину, а иные утверждают — к Троцкому, то вопрос будет разрешен.

Один из них прямо пишет: «Я ушел на (?) эмиграцию не потому, что изменил своему прошлому, а потому, что Сталин ему изменил».

Но другой откровенней: «Когда в октябре 1917 г. я боролся на баррикадах, — пишет он, — я знал, что такое социализм и что такое диктатура пролетариата. На старости лет разучился».

А перспективы? Иным они кажутся очень мрачными. «Будет капитализм, — вещает один, — будет иметь успех Сталин. Это не желание, это исторический факт».

Один предается весьма своеобразным рассуждениям. Конечно, говорит он, и капитализм, и сталинизм не ягнята, а оба волки. Но при этом у одного из этих волков (капиталистического) историческое солнце заходит, а у другого (коммунистического) восходит». И вывод: сейчас, быть может, капиталистический волк сильнее, но поэтому его надо бояться больше, чем волка, за спиною которого историческое солнце восходит.

Один до того уверен, что от коммунистического наваждения не избавишься, что развивает теорию, что коммунизм должен завоевать мир, и только после того, как ему ничто не будет больше угрожать, внутри него начнется борьба и разложение, и он исчезнет. Но эта фаталистическая философия не убедила другого корреспондента, и он возмущенно пишет:

«Ведь если воспринять эту, с позволения сказать, «науку» за чистую монету, то нам ничего не останется, кроме как засучив рукава помочь сталинизму овладеть велико возможно еще больше территориями и народами. Такая политика — желанное и вкусное блюдо для сталинизма». Но и этот корреспондент тут же прибавляет, что эти рассуждения противоречат «взглядам Маркса, Энгельса и... Ленина». У некоторых новых эмигрантов, мысль которых вращается в орбите русской октябрьской революции, до сих пор живет вера, что вся беда от Сталина, и надо вернуться к Ленину. Один из них негодует на меньшевиков за то, что они видят в Сталине «сегодняшего Ленина», тогда как Сталин — отрицание Ленина. На самом деле, Ленин хуже и опаснее Сталина не только тем, что он отец всей большевистской лжи, но еще и потому, что Сталин довел до логического конца, сделал цинично все выводы из ленинизма и тем самым вскрыл подлинную природу ленинизма со всеми его проекциями в жизни. Ленин не договорил до конца, не доделал своего учения и поэтому вводил в искушение. Это сделал Сталин и этим вскрыл, выявил то, что в неясном, скрытом, а потому непонятом виде составляло сущность ленинизма. Сталин был хирургом, который произвел вскрытие трупа ленинизма, раскрыл всю историю болезни и установил и ее неустранимый исход. Сталинизм это есть ленинизм со всеми вытекающими из него последствиями. Сталин только от себя присоединил свою грубость, примитивность и жестокость. А между тем в письмах, имеющихся у меня, иные новые эмигранты, всячески открещиваясь от Сталина, признают Ленина своим пророком. Они бежали от сталинизма с длинною косою ленинизма и троцкизма. Надо надеяться, что заграницею они скоро перестанут ее носить».

Ограничусь приведенными выписками. Они свидетельствуют о большой путанице в головах иных новых эмигрантов. Но, во-первых, и во всем мире сейчас большая путаница, во-вторых, эти же выписки свидетельствуют о том, что разбросанные по всему земному шару, зачастую находясь в крайне тяжелых материальных и культурных условиях, эмигранты перекликаются друг с другом и являют характерные черты русской интеллигенции, долгие десятки лет спорящей об этих вопросах. При этом на иных из них видна тяжелая травма страшных лет, проведенных в советском изоляторе и в концентрационных лагерях, являющихся лишь концентратом всего советского строя. Подчеркиваю — дело идет не о новой эмиграции вообще, а лишь об одной ее группе, маленькой, но существующей.

Ю. ДЕНИКЕ

ЛИТЕРАТУРА И ЖИЗНЬ

ПОТЕРЯВШИЕ ВЕРУ

Из появившихся за последние годы книг бывших коммунистов и бежавших советских людей можно уже составить довольно объемистую библиотеку. Не все эти книги одинаково высокого качества, но в целом они представляют большую ценность и уже принесли и продолжают приносить очень большую пользу, способствуя распространению правильных взглядов на коммунизм и советскую диктатуру. Особенно ценными представляются мне те из них, которые проливают свет на то, что можно назвать «чарами» коммунизма, приковывающими к нему людей и делающими разрыв с ним во многих, вероятно, в большинстве случаев чрезвычайно мучительной операцией. Эти работы подтверждают то основное, но все еще недостаточно широко признаваемое, положение, что, как правило, коммуниста нельзя переубедить, а оторвать его от коммунизма можно лишь, если удастся разрушить в его психике эти «чары».

Коммунистам и попутчикам эта литература, конечно, очень неприятна, и вполне естественно, что они стараются всячески очернить и оклеветать ее авторов. На этом не стоило бы останавливаться, если бы за последнее время не развилась новая практика, которая еще недостаточно разоблачена и поэтому оказывает известное влияние и на людей, нисколько не сочувствующих ни коммунизму, ни советскому режиму. Влияние коммунистов и явных попутчиков за последнее время очень ослабело, почти-что сошло на-нет. Но зато появилась новая категория «критиков критики», уже получивших совершенно правильное название «анти-антикоммунистов». Они не защищают коммунизм, но нападают на его критиков, — конечно, не в защиту коммунизма, а во имя свободы, беспристрастия и т. д. И это не всегда попутчики, надевшие новую личину. К сожалению, в ту же орбиту попадают и некоторые безупречные демократы, резко отрицательное отношение которых к коммунизму не подлежит сомнению, но которые это отрицательное отношение к коммунизму переносят и на бывших коммунистов. Один из таких бесспорных противников коммунизма, Эльмер Дэвис, известный в особенности как радио-комментатор, напечатал недавно в американском еженедельнике «Субботнее обозрение» (раньше «Субботнее литературное обозрение» *) статью, в которой он атаковал бывших коммунистов прямо-таки с какой-то яростью.

Со многим в статье можно было бы согласиться, если бы она относилась к некоторым из бывших коммунистов. Но Эльмер Дэвис говорит или о бывших коммунистах вообще, или, — в лучшем случае, — о бывших коммунистах за немногими исключениями. И это делает его статью не только несправедливой, но и вредной, потому что он старается убедить читателей, что бывшие коммунисты, как правило, так же мало заслуживают доверия теперь, как тогда, когда они были коммунистами. Его указание на «немногие исключения» делу не помогает, так как он не указывает средства, как отделить «чистых» от «нечистых», и фактически внушает недоверие против всех. Он делает это уже своей первой фразой, заимствованной из речи Цицерона против Катилины: «Доколе будут эти бывшие коммунисты и бывшие сочувствующие злоупотреблять терпением...» и т. д. Но облечься в тогу Цицерона недостаточно, чтобы стать серьезным и справедливым критиком.

Катилиной, возмутившим Цицерона-Дэвиса, оказался Чэмберс, книга которого «Свидетель» имеет исключительную ценность именно как **свидетельство,** но в его политической философии и во многих политических оценках заслуживает суровой критики. В этом отношении и Дэвис делает несколько верных замечаний. Но сейчас его статья интересует нас не как критика книги Чэмберса, а как образец поспешных и опасных обобщений, типичных для новейших «критиков критики». Дэвис повторяет те аргументы, которые постоянно слышишь от людей, старающихся скомпрометировать показания бывших коммунистов, и в которых следует разобраться уже потому, что в каждом из них есть известная доля истины. Мы имеем тут дело с теми «полуистинами», которые часто оказываются опаснее прямой лжи.

По существу все или почти все эти аргументы основаны на утверждении, что бывшие коммунисты, изменив свои взгляды, остаются теми же, какими они были, со всеми прежними коммунистическими навыками. Они остаются людьми «тоталитарной психологии», видят всю действительность только в двух цветах, не признают ничего, кроме крайностей. От одной крайности они бросаются в другую: порвав с коммунистами, становятся фашистами или крайними консерваторами, враждебно относящимися не только ко всяким видам социализма, но и ко всяким социальным реформам. Эльмер Дэвис даже «подозревает», что коммунизм не является причиной развития «тоталитарной психологии», а что люди с такой природной психологией именно поэтому становились коммунистами. И как, будучи коммунистами, они считали себя избранной частью человечества, так они расценивают себя и теперь, высокомерно поучая всех тех, кто были и остались простыми смертными.

Каждый элемент такой аргументации основан на правильных наблюдениях, но представляет собою совершенно незаконное обобщение отдельных случаев. Некоторые бывшие коммунисты, действительно, становились фашистами или крайними консерваторами. Но очень многие не стали ни теми, ни другими. Во Франции Доріо стал фашистом и играл во время немецкой оккупации самую омерзительную роль, но другой бывший коммунист Борис Суварин является безупречным демократом и нисколько не консерватором. Конечно, Чэмберс ушел далеко направо, но и в Америке, и в любой европейской стране можно без труда найти бывших коммунистов, ставших демократическими социалистами или, если они разочарованы и в социализме, либеральными демократами. Верно и то, что некоторые из бывших

---

*) "Saturday Review" от 28 июня 1952 г. Я не берусь ни переводить, ни объяснять заглавие статьи — "History in Doublethink", — понятное читавшим "1984" Орвела.

коммунистов не освободились от усвоенной ими неразборчивости в средствах, но у других, наоборот, имела место реакция в сторону моральности, часто религиозно окрашенной, и Чэмберс как раз принадлежит к этой последней категории. Неверно и такое обобщение, что бывшие коммунисты от одной **веры** перешли к другой, не менее слепой. Неверно во второй своей части. Верно, что все они **потеряли** веру, но многие из них другой веры не обрели. Обобщающая аргументация, направленная против всех или большинства бывших коммунистов, порочна в своей основе, так как она исходит из представления, что разрыв с коммунизмом является изменением убеждений без глубокого влияния на психологию рвущих с коммунизмом людей. Но это может быть верно только по отношению к поверхностно-рассудочным попутчикам или к людям, прошедшим через коммунизм мимолетно, но не по отношению к подлинно верующим,беззаветно преданным коммунизму, отдавшим ему лучшие годы своей жизни и всем ради него рисковавшими.

Эльмер Дэвис и подобные ему критики просто не подозревают о существовании тех «чар» коммунизма, которые были упомянуты в начале этой статьи. То, что они сами никогда не были коммунистами или попутчиками и этих «чар» на себе не испытали, не является оправданием их непонимания действительной проблемы бывших коммунистов (а отчасти и бежавших советских людей). Я тоже не был коммунистом и соблазну его «чар» нисколько не поддавался, но, борясь против коммунизма, я стараюсь понять, в чем его обаяние для многих людей, найти источники его **силы,** а не только его слабые пункты. Я здесь не собираюсь анализировать теорию коммунизма или его **учение,** которое, кстати сказать, подвергается постоянным изменениям и приспособлениям, сохраняя тем не менее стержень. Если бы дело было только в учении, в теоретических положениях, то оторвать от коммунизма способных мыслить людей было бы совсем нетрудно. Выдающийся ученый, лауреат Нобелевской премии, Жолио-Кюри, как **мыслящий** человек, просто постыдился бы участвовать в протестах против мнимой американской бактериологической войны. Он не может не понимать, насколько лжива коммунистическая пропаганда. Но независимо от понимания и вопреки логике, он, очевидно, находится во власти психологического комплекса, от которого он не в силах освободиться.

Много было и остается путей к коммунизму. Многие приходят и уходят без особых душевных потрясений. Но здесь речь идет о тех, кого коммунизм приковал к себе своими «чарами», и я все время говорю о **верующих** коммунистах, какими и были те «бывшие», чья литература заслуживает большого внимания, и на которых обрушивают свой гнев такие критики, как Эльмер Дэвис. Для этих коммунистов «чары» коммунизма были в той вере, которую он им давал, в которой они нуждались, не находя ее в другом месте. И, что особенно важно, коммунизм сумел организовать свою веру так, что она заполняла всю жизнь, буквально становилась всей жизнью тех, кто ее принял. Уверовав, люди получили ответы на все вопросы. Все время побуждаемые к активности, обремененные тяжелой «партийной нагрузкой», они все время словно находились в вихре, несущем их — как им казалось — к великой цели, достойной труда и жертв. Многие коммунистические предприятия, демонстрации по пустяковым поводам, могут казаться бесполезными и смешными. Но и они имеют свою психологически важную функцию, являясь частью системы заполнения всей жизни, а в рамках этой системы все представляется осмысленным и важным.

Разрыв с коммунизмом предполагает потерю веры — или в идею коммунизма вообще, или — по меньшей мере — в ее воплощение в коммунистических партиях и советской власти. В таких случаях разрыв является, казалось бы, логически неизбежным выводом, но на деле переход от потери веры к разрыву оказывается психологически чрезвычайно трудным и иногда очень длительным процессом. Надо отказаться от того, что заполняло всю жизнь, и, не имея ничего взамен, итти в **пустоту.** В своей книге Чэмберс вспоминает проведенную без сна ночь, когда он думал о том, что, если коммунизм есть зло, то нельзя дольше ему служить, даже если нет больше ничего, чему можно служить, и надо выбирать между коммунизмом и **пустотой.** Тысячи бывших коммунистов могут подтвердить, что их долгое время удерживала именно боязнь пустоты. Я имел возможность лично наблюдать, как совершался процесс отхода от коммунизма. Один знакомый мне коммунист, человек очень умный и одаренный, оставался в партии (немецкой) еще несколько лет после того, как совершенно потерял веру и стал относиться резко отрицательно к коммунистической политике. Его удерживала, как он сам мне говорил, мысль, что после выхода из партии у него ничего не остается, кроме пугающей его пустоты, так как партия заполняла всю его жизнь.

В романах Манеса Шпербера, несмотря на их художественные недостатки, дается очень правдивое и яркое изображение как процесса отхода, так и его последствий для психологии ушедших. Первый роман озаглавлен "И куст стал пеплом». Заглавие, конечно, указывает на библейский рассказ о неопалимой купине — о кусте, который горел, но не сгорал, и из которого слышался голос Божий. Неопалимая купина, это — символ великой неумирающей — негаснущей — истины. Такой купиной был коммунизм для героев романа. И вот этот будто бы несгорающий куст оказался пеплом. Но главному герою, австрийцу с кличкой Дойно, все еще казалось, что это только временная пауза. Он отошел от партии в 1937 г. после того, как наиболее ценимые им деятели средне-европейских партий были замучены в московских застенках. Одному из них удалось переслать Дойно свое последнее увещание: «Не теряй времени в размышлениях о траве, растоптанной ногами, думай о новой траве»!И Дойно еще верил, что взойдет новая трава, что движение возродится в новом, очищенном виде. Самым ненавистным врагом все же был нацизм, и возглавлямый Москвой коммунизм представлялся непримиримым врагом нацизма. Надо было, думал Дойно, ждать исхода борьбы, то-есть неизбежной войны между нацистской Германией и коммунистической Россией, прежде чем сводить последние счеты. А пока надо делать все, чтобы помешать Гитлеру оказаться победителем. После поражения Гитлера мы, говорил Дойно, начнем сначала.

Таков был ход мыслей многих европейских коммунистов до того августовсткого дня 1939 г., когда был заключен пакт между Сталиным и Гитлером. Это был по-

следний удар для тех, кто, как Дойно, надеялся, что у коммунизма еще остается объективно прогрессивная миссия. И тогда наступила пустота — страшная душевная пустота, которую Шпербер с большой силой изображает во втором романе с выразительным заглавием «Глубже, чем бездна» (к сожалению, существенно страдающем от включения ряда довольно-таки безвкусных и неправдоподобных эпизодов). Оба романа в большой мере автобиографичны. Автор сам был довольно видным — «ученым — коммунистом и рассказывает с полным знанием дела на основании своего личного опыта и собственных наблюдений. Он знает, как трудно оторваться, даже уже потеряв веру, как хочется найти зацепки, чтобы сохранить по крайней мере надежду.

Разрыв с коммунизмом в большинстве случаев означает такое душевное потрясение, что уже по одному этому нельзя думать, что все — «за немногими исключениями» — бывшие коммунисты остаются тем, чем они были. Чэмберс говорит, что в следующий за разрывом переходный период «мы волочились как калеки. Мы — калеки». Но переход к чему? Это и есть основная проблема порвавших с коммунизмом: проблема заполнения образовавшейся пустоты. И то, чем становятся бывшие коммунисты, в какой мере и в каком направлении они «меняются», зависит от того, в какой мере и как им удается заполнить эту пустоту. О том, как решается — или не решается — эта проблема, в пределах настоящей статьи можно сказать только очень схематично.

Одни так и не находят решения и остаются жить с опустошенной душой. Другие, не находя общественного решения, целиком уходят в замкнутый круг личной жизни. Некоторые меняют веру в буквальном смысле, переходя от коммунистического атеизма к христианскому благочестию. Так было с Чэмберсом. Очень любопытно, что по его рассказу Кривицкий незадолго до своей гибели решил креститься и вступить в епископальную церковь. Но у Чэмберса было впечатление, что у Кривицкого не было подлинного религиозного чувства, а было лишь рассудочное убеждение, что людям нужна религия. Некоторые бывшие коммунисты живут исключительно ненавистью к их бывшей партии и всю свою энергию сосредотачивают на борьбе против коммунизма, не усвоив никакой положительной программы. Некоторые, но далеко не все. Многие из бывших коммунистов, став не менее решительными антикоммунистами, в то же время рационально и нередко глубоко разбираются в социализме и политических проблемах и идут на бой против коммунизма с определенными программами и идеалами.

Из всего этого видно, как поверхностно и недопустимо легкомысленно бывших коммунистов — «за немногими исключениями — валить, так сказать, в одну кучу и игнорировать их ценный, выстраданный ими, опыт, без внимательного изучения которого нельзя найти обещающих успех методов разрушения «чар» коммунизма в психике верующих коммунистов.

ОТ РЕДАКЦИИ.

Ввиду болезни нашей постоянной сотрудницы Веры Александровой, вместо нее, отделом «Литература и жизнь» временно заведует Ю. Денике. Редакция надеется, что наша неизменная сотрудница, находящаяся, к счастью, на пути к выздоровлению, скоро вернется к своей работе.

ОЧЕРКИ СОВЕТСКОЙ ПСИХОЛОГИИ

«The New Man in Soviet Psychology», by *Raymond A. Bauer*. Harvard University Press, Cambridge, Mass., 1952, 229 pp.

(Раймон Бауер: "Новый человек в советской психологии").

Советский режим создал вокруг себя какую-то обманчивую атмосферу неизменности. Партия меньшинства, захватившая власть в 1917 году, остается Партией с большой буквы, единственой партией в стране, Правительство все еще называется "советским" правительством. Даже и секретарем Партии остается вот уже более трех десятков лет один и тот же человек. Но как только вы начинаете знакомиться ближе с историей того или иного явления, с той или иной областью советской жизни, это ощущение неизменности исчезает. Советы, будто бы носители власти, превратились в безгласные органы, послушно следующие указке Партии. Партия сама перестала быть тем, что принято называть политической партией: она больше не проводит выборов, не созывает своих съездов, ничего не обсуждает и не решает. Секретарь партии, роль которого должна была заключаться в том, чтобы быть исполнителем решений ЦК партии, "вычистил" большинство его членов. Государственная власть, которая должна была "выветриться", разбухла до тоталитаризма.

Та же кажущаяся непрерывность формул и принципов и то же глубокое изменение их значения характеризуют и историю идей и теорий. Отчетливое понимание сложности и внутренней противоречивости этого развития и составляет основную черту книги Бауэра, придает ей исключительную ценность и спасает автора от ошибок, которые делает большинство историков идей, когда они пишут о Советском Союзе, пользуясь официальным советским заявлениям в качестве основного источника познания советского развития.

Советские авгуры и в двадцатых годах называли свою предписанную им психологию "марксистской", и в тридцатых годах продолжали называть свои часто прямо противоположные концепции "марксистскими". Это дает повод Бауеру начать свою книгу главой о "двух видах марксизма". Он показывает здесь, что то, что Ленин понимал под словом "марксизм", резко отличается от марксизма Сталина, что последний создал новую социальную теорию и практику, которые действительно заслуживают названия "сталинизма" и в свою очередь породили и новую сталинистскую психологию и нового сталинизированного человека.

Двадцатые годы были годами многообразия в психологии, как и во всех областях наук и искусств. Но изучая советскую психологическую литературу двадцатых годов, Бауер приходит к выводу, что при всей ее пестроте, господствующим в ней, в Советском Союзе был механистический подход к предмету, что высшие мозговые процессы сводились в основном к простым реакциям на приходящие из окружающей среды впечатления, были лишь условными рефлексами и физиологическими процессами. Сознание рассматривалось в значительной мере, как вторичное или даже как иллюзорное явление.

Но в начале тридцатых годов Сталин начал решительную перестройку "окружающей среды", не считаясь ни с объективными возможностями, ни с субъективными чувствами и настроениями широких масс. Теперь и сознанию должна была

быть предоставлена совсем другая роль. "Нет таких крепостей, которых не брали бы большевики". Соответственно и официальный идеальный тип "нового советского человека" подвергся пересмотру, и человек этот стал носителем "сознательного волюнтаризма".

Во второй половине тридцатых годов "окружающая среда" вновь получила признание, но теперь это была "социалистическая окружающая среда". К тому же проведенная в это время большая чистка упрочила и у правителей, и у управляемых сознание того, что отныне дисциплина не будет уже ослаблена и по прошествии двух-трех новых пятилеток, что рядовой советский человек является отныне для государства, как и природа, лишь частью "окружающей среды", свободно изменяемой государством в соответствии с его нуждами.

Отныне все науки подверглись тотальному политизированию, и основной задачей их стало осуществление принципа "партийности". Все теоретические положения и все практические выводы из них должны были быть пересмотрены с точки зрения "партийной бдительности" и потребности государства. Если объективные факты этому противятся, тем хуже для фактов, — и для ученых, для которых, по несчастью, они являются предметом их изучения.

Пока большевики были прежде всего революционерами, заинтересованными в переустройстве общества, — подчеркивает Бауер, — они могли продолжать придерживаться гуманистических и оптимистических теорий об отсталости людей, о преступности, о моральной дефективности, унаследованных ими от социализма 19-го века. Если дети проявляют черты отсталости, это объясняется влиянием внешних условий, в которых живут угнетенные классы общества. Если человек крадет, это объясняется существованием нищеты рядом с богатством. Но если сталинский план нового общества официально уже осуществлен и совершенное советское настоящее является прообразом совершенного будущего других стран, становится не совсем удобным объяснять умственную отсталость или моральную дефективность "окружающей средой", государством созданной, государством одобренной, государством восхваляемой.

А между тем, именно в этот момент достигнутого совершенства началась массовая карательная "акция", эпидемия чисток и арестов, явившаяся выражением какого-то иронического противоречия новой советской конституции. Для оправдания этой карательной политики необходимо было вновь объявить человека сознательно и добровольно ответственным за его действия и упущения. Это требовало нового глубокого изменения официальной концепции личности и новых ограничений для психологической науки.

Это требовало и установления нового — третьего по счету — идеального типа "нового советского человека", у Бауера еще недостаточно отличающегося от идеального типа начала тридцатых годов. Идея этого нового идеального типа и сейчас сохраняет нормативное значение для школ, профсоюзов, партии, полиции и для всех ведомств, вовлеченных в работу по воспроизводству идеального советского гражданина.

Каковы специфические черты этого нового советского человека, устанавливаемые Бауером на основании советской психологической литературы? Сознательность его восстановлена в правах, так как он не может считаться ответственным за свои действия и упущения, если они вытекают из бессознательного или обусловливаются "окружающей средой", созданной и одобренной государством. Но эта сознательность сводится к тому, что советский гражданин знает, что нужно государству, и делает это добровольно, сознательно и охотно. В этом и состоит свобода в советском ее понимании: "свобода, это — осознанная необходимость".

Дойдя в своем анализе до этого наблюдения, Бауер заканчивает свою книгу вопросом, на который у него нет ответа и который его несколько смущает. Когда книга его уже должна была идти в печать, он был поражен тем фактом, что Павлов, бывший в таком почете в двадцатых годах, вновь был возведен на пьедестал, и психологи были призваны "вернуться к подлинным принципам Павлова". Означает ли это, что "сознательность" вновь сдается на слом, отступая перед "условными рефлексами"? И почему это в психологии диктатуры так подчеркивается значение павловской "вторичной сигнальной системы"? Я попытаюсь гипотетически ответить на эти вопросы.

Павловская "вторичная сигнальная система" отличает человека от животных. Животные, по Павлову, отвечают лишь на непосредственные впечатления и раздражения, исходящие из окружающей среды. Напротив, человек находит стимулы для своего поведения и в словах, символах, концепциях. Руководители советского государства поставили перед психологами задачу приучить человека реагировать на лозунги, формулы и символы активнее и непосредственнее, чем на окружающую его действительность. Бауер, повидимому, недостаточно осознал значение тотального политизирования всей материальной и духовной жизни в тоталитаристском государстве. И он вновь и вновь употребляет в отношении Советского Союза выражение о "координировании (человеческого поведения) с нуждами общества", когда следовало бы говорить о "координировании с нуждами государства". Между тем, самая природа тоталитарного государства такова, что оно мыслит себя целиком покрывающим общество и не оставляет никакого места хотя бы для элементов автономных организаций, автономии духа, автономии науки или искусства.

Бертрам Вольф

«УРАН — ОРУЖИЕ МИРА»

Н. ГРИШИН

Когда смолк гром орудий, и Германия капитулировала, воины Советской Армии праздновали победу с твердой надеждой на прочный и длительный мир. Мир — это короткое и простое слово из трех букв, означало все: родину, дом, семью, мать, жизнь и свободу. Но ни кому из нас, воинов, в порывах радости не приходило в голову, что с того самого момента, когда смолк гром орудий, и когда еще не высохли чернила на акте о принятии безусловной капитуляции Германией, — готовилась новая мировая война. Та самая война, зловещий призрак которой сейчас висит над миром.

В процессе освоения Германии и изучения тайн третьего райха, советская разведка добыла сведения о наличии в Германии урановой руды, которая, как известно, является исходным сырьем для изготовления атомной бомбы. Этой, казалось бы, скромной находкой сильно заинтересовалась Москва. Были приведены в действие всемогущие органы государственной безопасности в Германии, во главе которых стоял генерал-полковник государственной безопасности Серов — заместитель Лаврентия Берии, бывший работник ЦК партии и личный доверенный Сталина, тот самый Серов, который во время войны был секретарем парткома советского посольства в США и принимал В. Кравченко как вновь прибывшего.

Были срочно разысканы немецкие ученые и специалисты, которые подтвердили наличие в Саксонии урановой руды. Москва проявила болезненный интерес к этой руде. В Германию была направлена геолого-разведочная группа № 1, состоявшая из виднейших совет-

ских ученых геологов. К работе были привлечены также германские ученые геологи. Штаб этой группы расположился в горной академии города Фрейберг. Но сразу приступить к работе по изысканию нельзя было. Эти районы были заняты американскими войсками, и уходить оттуда они не спешили. Тогда командующий советскими войсками в Германии маршал Жуков сделал, по поручению Москвы, энергичное представление американскому командованию, и только тогда американские войска очистили районы Саксонии. Геолого-разведочная группа сразу же приступила к изыскательным работам. В результате пятимесячной работы южная и югозападная Саксония была основательно освоена. Руда была найдена в следующих районах Саксонии: Цвикау, Шнееберг, Ауе, Обершлем, Шварценберг, Аннаберг, Йоганнгеоргенштадт, Марienберг, Фрайберг, Фрайталь и в других местах.

В июне 1946 г. вопрос об урановой руде рассматривался на заседании совета министров Союза ССР. Было решено немедленно приступить к добыче и обработке урановой руды в Саксонии. В этом же месяце в Германию была направлена первая группа ответственных работников во главе с генерал-майором государственной безопасности Мальцевым. Генерал-майор Мальцев был не случайно назначен на эту должность. В годы войны он был генеральным инспектором всех концентрационных лагерей Союза ССР и находился в непосредственном подчинении наркома внутренних дел и члена Политбюро Лаврентия Берии.

Генералу Мальцеву было поручено немедленно приступить к практическим работам по добыче урановой руды. Он получил большие полномочия и совершенно не зависел от советских военных властей в Германии. Командующий группой советских оккупационных войск в Германии маршал Соколовский получил приказ о всесторонней помощи генерал-майору Мальцеву. Работы по добыче руды планировались в больших масштабах, и для этого было создано акционерное общество «Висмут». Генеральным директором этого общества был назначен генерал-майор Мальцев. Общество получило такое сравнительно безобидное название исключительно из конспиративных соображений. Слово «уран» было изъято из обращения, и употреблять его никто не имел права. Акционерное общество «Висмут» состоит из штаба и 27 отдельных объектов, из которых шесть главных. Штаб общества расположился в городе Ауе. Во главе общества стоял главный директор, генерал-майор государственной безопасности Мальцев с пятью заместителями: по общим вопросам, политическим, техническим, транспорту и геологическим. К обществу была прикомандирована отдельная «Опергруппа МГБ» из 12 человек, которая занималась секретно-полицейским обслуживанием. При каждом объекте она имела своего представителя, который официально именовался «оперуполномоченным». Для работы среди немецких рабочих и служащих была организована специальная криминальная горная полиция, которая находилась в полном подчинении оперативной группы МГБ.

Штаб общества состоял из нескольких отделов: оперативно-производственный, технический, политический, геолого-разведывательный, отдела кадров, отдела личного состава, транспортный, хозяйственный и санитарный. На всех объектах руководство построено по такому же принципу, с той лишь разницей, что на объектах не было отделов, а были их представители.

Командование группы оккупационных войск в Германии предоставило в распоряжение генерал-майора Мальцева отдельную бригаду. Эта бригада состояла из пяти отдельных батальонов и штаба. Она была целиком укомплектована рядовым, сержантским и офицерским составом. Офицеры подбирались для этой бригады исключительно из числа имеющих специальное техническое образование, со всей группы оккупационных войск в Германии. Бригада имела в своем распоряжении 380 грузовых автомашин, около 40 тягачей и ремонтную мастерскую. В начале сентября 1946 г. бригада оставила города Дрезден и направилась в распоряжение генерала Мальцева. Штаб бригады расположился вместе со штабом общества «Висмут» в городе Ауе. Но охрану штаба общества «Висмут» и его важнейших объектов бригаде не доверили. Для охраны штаба и ответственых работников общества, объектов, складов взрывчатых веществ, лабораторий и шахт было выделено два батальона из 4-го пограничного полка войск МГБ, общей численностью в 1.600 человек. Все военные комендатуры, расположенные на территории действия общества «Висмут», подчинялись также и генералу Мальцеву. Акционерное общество «Висмут» административно входило в систему министерства военной промышленности Союза ССР, но практически им руководил, так же, как и всеми работами, связанными с атомной бомбой, специальный комитет обороны при Совете Министров. В сентябре месяце 1946 г. генерал Мальцев закончил укомплектование общества, и оно приступило к работе.

В западной и юго-западной Саксонии, в городах: Георгенштадт, Аннаберг, Шнееберг, Ной-Штетель и др. 40-50 лет тому назад были открыты и оборудованы по тому времени шахты, в которых добывали серебро и кобальт. Часть из них после нескольких лет работы была закрыта в виду нерентабельности, а часть продолжала свои работы примерно до 20-х годов, и после они тоже были остановлены. Только две шахты: "Вейссер Гирш" и «Шнееберг» работали до 1945 г. и добывали кобальт.

Как только общество «Висмут» приступило к работе, все эти шахты перешли в полное распоряжение общества. Оборудование шахт нуждалось в капитальном ремонте и было сильно запущено в результате более чем 20-летнего бездействия. Часть оборудования нуждалась в замене. Насосы по откачке воды из шахт отсутствовали совершенно, прессы были изношены. Отсутствовали необходимые инструменты и материалы. Машины и оборудование шахт были на скорую руку отремонтированы, кое-что заменено, и приступили к подготовительным работам по добыче урановой руды. В первые же дни возникли большие технические трудности. Специалисты общества «Висмут» не были знакомы с оборудованием немецких шахт и штреков. Никто не знал, и нигде не могли найти схем проходов. Создалось критическое положение, которое могло продолжаться слишком долго, а это не входило в планы советского правительства. Таким бразом интересы советского государства оказались в опасности, и как всегда в таких случаях на арену появилось МГБ. Оперативная группа общества «Висмут» узнала от местного населения, что большой специалист и знаток местных шахт, бывший инспектор господин Шмидт проживает в городе Ной-

Штетель. После проверки оказалось, что с приходом советских войск герр Шмидт был арестован как активный член нацистской партии и отправлен в концентрационный лагерь. Об этом было доложено генерал-майору Мальцеву. Он одобрительно отнесся к идее привлечения г. Шмидта к работе и лично вступил в контакт с компетентными инстанциями в Карлсхорсте. Герр Шмидт был немедленно освобожден из концлагеря и направлен в распоряжение оперативной группы МГБ общества «Висмут». После разговоров и некоторых формальностей герр Шмидт был выпущен на свободу, но его предупредили очень внушительно, что в случае недобросовестной работы или саботажа он, Шмидт, потеряет голову. После этого он был назначен на должность главного штайгера с месячным окладом в 900 марок. В его распоряжение была предоставлена легковая автомашина, квартира и офицерский продовольственный паек. По тем временам офицерский продовольственный паек был важнее всяких других привилегий и очень хорошо дополнял в сознании герра Шмидта впечатление от разговора в Опергруппе МВГ. Он взялся за работу, и все надежды начальства с лихвою оправдывал. Его можно было видеть на различных шахтах как днем, так и ночью. Он стал душой общества, и к нему обращались за справками по вопросам производства и оборудования шахт. Дело двинулось вперед. Одно из серьезных препятствий было легко преодолено, но возникали новые. Недоставало оборудования, транспорта, материалов и спецодежды. Представители общества «Висмут» рыскали по всем городам советской зоны оккупации. Фабрики, заводы и мастерские были осмотрены, и все, что могло быть использовано для общества «Висмут», подвергалось немедленной конфискации. Все немецкие автомашины, вместе с шоферами были мобилизованы во «временное »распоряжение общества «Висмут». Отсутствие спецодежды меньше всего волновало руководителей общества. Без нее можно добывать урановую руду, но без насосов и карбидных ламп труднее. Насосов недоставало, и часто рабочим приходилось работать по пояс в воде. Карбидных ламп хватало только по одной лампе на двух человек. В таких условиях проходили подготовительные работы в шахтах общества «Висмут». Подготовительные работы не требовали большого количества рабочей силы, и спрос на нее удовлетворялся местным населением, проживающим в районах шахт... Но подготовительные работы подходили к концу, и нужно было приступать к плановой добыче урановой руды. Для этого нужна быал рабочая сила. Ее требовали шахты и вспомогательные работы. Получить нужную массу рабочих рук непосредственно в районах шахт оказалось невозможным. Разрешить эту проблему можно было только в масштабах всей зоны или по меньшей мере в ее южной части. К работе в этой части была привлечена Социалистическая Единая партия Германии и германские профсоюзы. Их представители находились в большинстве отделов управления общества «Висмут», и с их мнением в известной степени считались. Они настоятельно рекомендовали начать кампанию по добровольной вербовке рабочей силы. С их мнением не охотно, но все же согласились. Вербовочная кампания была начата. По зоне поехали активисты-вербовщики. Выпущена была масса пропагандных плакатов, рекламирующих условия работы и оплаты. Рабочих рук было в то время в Германии много, ведь промышленность не работала. Демонтаж фабрик и заводов в основном уже был закончен, но приток рабочей силы на шахты общества «Висмут» был явно неудовлетворительный. Было ясно, что этим путем, т. е. путем добровольной вербовки, решить вопрос рабочей силы не удалось. Москва торопила и требовала уран. Стал вопрос: что делать?

Генерал-майор Мальцев решил пойти по старому, уже испытанному пути, т. е. планово-принудительного обеспечения шахт рабочей силой. В этой части он имел солидный практический опыт. Одной поездки в главную советскую военную администрацию было достаточно, и вопрос рабочей силы был решен. Немецкие арбайтсамты получили приказание все трудоспособное население обоего пола в обязательном порядке направлять на работу в общество «Висмут». Немецкая полиция всей советской зоны получила приказание производить облавы на вокзалах и в увеселительных местах, и все лица без постоянной работы задерживались и направлялись в распоряжение биржи труда общества «Висмут». Военные комендатуры и местные немецкие власти, в соответствии с полученными директивами, обязывали мелкие немецкие фирмы (ремонтные мастерские, столярные и плотничьи фирмы и пр.) заключать трудовые договоры с отдельными объектами общества «Висмут». При этом их предупредили, что в случае отказа, в течение 24 часов их мастерские будут закрыты и конфискованы. Таким образом, все мелкие немецкие фирмы фактически поступили в распоряжение общества «Висмут». Это касалось только мелких немецких фирм не случайно. Более крупные немецкие фирмы к этому времени были уже национализированы и превратились в так наз. «Ландайгенебетрибе». Они уже по сути дела принадлежали «народному» правительству восточной Германии и выполняли заказы в счет репараций и для нужд оккупационной армии. Их трогать было невыгодно, и только поэтому было решено использовать «частный сектор».

Рабочая сила начала поступать в распоряжение общества в массовом порядке. Оформление происходило на бирже труда общества и на биржах труда отдельных объектов. Опасаясь бегства рабочих, штаб общества распорядился отбирать у них все их личные документы. Взамен им выдавалось специальное удостоверение личности на русском языке, снабженное фотографией.

Первые партии рабочих, прибывших из отдаленных мест, расквартировывались на частных квартирах в порядке уплотнения жилой площади у местного населения. Это проводилось через местные «вонунгсамты«, которые для этой цели имели специальные полномочия. Расквартированные таким образом рабочие считались счастливцами. Это продолжалось сравнительно недолго. В течение нескольких месяцев жилищная площадь была настолько уплотнена, что дальше уплотнять стало невозможным. В большинстве городов района действия общества «Висмут» в начале 1947 г. норма жилплощади на одного человека дошла до 3-х квадратных метров. Большинство гостиниц и танцевальных зал было закрыто, их превратили в жилые помещения для рабочих шахт и других предприятий общества «Висмут». Но и это далеко не решало жилищной проблемы.

(Продолжение следует)

БОЕВОЕ ЗАДАНИЕ

(КАК СОВЕТСКИЕ ОККУПАНТЫ ХОЗЯЙНИЧАЮТ В ГЕРМАНИИ)

В конце февраля 1952 года, на заседании политбюро "С. Е. П. Г." (Социалистическая единая партия Германии) генеральный секретарь Вальтер Ульбрихт заявил: «...Нам, немцам, членам С. Е. П. Г., нужно учиться и брать пример с наших друзей — русских военных комендантов — в деле организации сбора государственных зерновых поставок, которые они (т. е. военные коменданты) **«умело»** проводили в советской зоне оккупации Германии...».

Мне, участнику этих «умелых» заготовок и методов сбора поставок животноводческих и зерновых продуктов в советской зоне, хотелось бы привести некоторые, далеко не полные, примеры практического проведения военными комендатурами в советской зоне сбора этих поставок.

В Н-ской комендатуре провинции Мекленбург и Западной Померании сегодня большой и горячий день.

Военным комендантом и его заместителем по политической части получен приказ из города Шверина от начальника С. В. А. (Советская Военная Администрация) провинции за подписью генерал-лейтенанта Николая Труфанова и его заместителя по политчасти, гвардии полковника, героя Советского Союза Власова.

Всем военным комендантам приказано срочно включиться и провести сбор зерновых поставок и на местах лично вместе со своим аппаратом контролировать местное немецкое самоуправление в ходе поставок зерновых.

В Н-ской комендатуре объявлена тревога! В течение нескольких минут рота охраны построена в полном боевом порядке и командир роты, гвардии капитан К. докладывает о построении роты военному коменданту полковнику Т. Но военный комендант полковник Т. и его заместитель по политчасти гвардии подполковник Ф. сегодня, как и обычно, при всех боевых тревогах недовольны ее ходом, т. к. офицерский состав на 30-35% по тревоге не явился. Заместитель по политчасти подполковник Ф. в присутствии дежурного офицера старшего лейтенанта Б. заявляет: «Сволочи, офицеры опять пьянствуют и лежат у немок!»

Проходит два часа, и с помощью дежурного офицера с дежурным взводом, который рыщет по частным немецким квартирам и немецким ресторанам, — офицерский состав, наконец, собран по тревоге во дворе военной комендатуры. Сегодня тревога прошла относительно хорошо, не присутствуют лишь три офицера, которых так и не удалось найти. Но эти три «мушкетера» уже взяты на заметку зам. политом, и их завтра ожидает очередная "мораль, т. е. очередное разъяснение о значении и долге советского воина за рубежом.

В., комендант, зачитывает перед офицерами приказ генерал-лейтенанта Труфанова и коротко объясняет «боевую задачу».

Офицерский состав давно привык к таким приказам: начиная с 1945 года, эта работа проводится ежегодно. Приказ выслушивается без особого внимания и интереса. Радует лишь одно, что хоть на короткое время можно будет себя чувствовать опять немного свободным, т. к. на местах, в немецких деревнях, каждый офицер проводит свою работу самостоятельно и по своему усмотрению.

Как правило, большинство офицеров не владеет немецким языком. По мнению зам. полита, это не так уж важно: не владея языком, офицеры будут не разговаривать с «товарищами-немцами», а больше действовать и практически руководить. Он дал понять, что зерно **в первую очередь** нужно для отправки **в Советский Союз,** и считает, что важность этого правительственного задания, очевидно, ясна каждому советскому офицеру и солдату! Свое выступление он закончил следующими словами: «Меньше думать о нуждах немецкого крестьянина — думай о матери Родине и тов. Сталине!»

Убедив таким аргументом офицеров, он разрешает разойтись и готовиться к выезду на места для выполнения «особого задания».

Каждый офицер получает в свое распоряжение 2-3 деревни, в которых он должен за 5-8 дней суметь собрать нужное количество зерна. В помощь ему дается 2-3 солдата, вооруженных автоматами. Прибывший в деревню на трофейной немецкой машине, офицер в первую очередь через местного бургмайстера и активиста-секретаря партийной ячейки С. Е. П. Г. находит себе временную квартиру. Устраиваются со всеми удобствами, с водкой для офицеров, с самогоном для солдат. Закуска идет за счет немецкой репарации. В планшете офицера лежит список всех крестьян села и количество в центнерах зерна, которое каждый из них должен сдать «государству». Нормы сдачи довоенные (1939 г.), и их, как правило, **никто** из крестьян выполнить не в состоянии. Причина этому — полное отсутствие минеральных удобрений, нехватка с.-х. машин и орудий обработки земли. Основная причина — недостаточное количество **тягловой силы,** которая в 1945 г. осенью была вывезена в огромном количестве в СССР. Но приказ есть приказ, и на этом принципе проводится вся работа. Офицер вместе с вооруженными солдатами обходит все крестьянские дворы и проводит обыск с целью найти запрятанное зерно. Обыск производится тщательно.

Теоретически офицерский состав хорошо подготовлен — на примерах «продразверстки» и сбора зерна в СССР. Зерно ищут в амбарах, квартирах, заглядывают во все уголки. Во время этих обысков зерна, как правило, не находят, но в руки попадаются «ненужные» немцам предметы, как фото-аппараты, часы, радио-аппараты, костюмы и т. п. Эти предметы перекочевывают в автомашину сов. офицера для отправки на родину своей семье или близким.

Найденное зерно полностью забирается и на подводах под охраной "фолькс-полицай» отправляется на ж.-д. станции для отправки по назначению. Крестьянам объясняется, что зерно нужно для немецких рабочих промышленных районов Саксонии, которые голодают и потому не могут успешно работать на благо крестьянина, — производить с.-х. машины и т. п. Крестьян, ко-

ПОВЫШАЕТСЯ ЛИ ЗАРАБОТНАЯ ПЛАТА В СОВ. СОЮЗЕ?

Как уже отмечалось у нас не раз, рост номинальной заработной платы продолжался в Советском Союзе до 1948 года, а после 1948 года — в связи с энергичной политикой дефляции — уровень заработной платы либо оставался неизменным, либо — и это более вероятно — начал понижаться. Как и в вопросе об абсолютных размерах среднего заработка рабочих и служащих в Советском Союзе, большинство американских, английских и других экспертов не разделяет этой точки зрения и утверждает, что заработная плата продолжает в Советском Союзе расти. Даже наиболее осведомленный среди них и более осторожный Н. М. Ясный в своей последней книге («Советские цены на предметы производства», Станфорд, 1952 г.) принимает, что средний уровень заработной платы в Советском Союзе достиг в 1948 году 6.775 рублей (за год) и затем из года в год повышался, достигнув в 1951 году 7.500 рублей.

Боюсь, в этих оптимистических расчетах сказывается какая-то инерция мысли. За годы пятилеток и все усиливавшейся инфляции мы привыкли к тому, что **номинальная** заработная плата в Советском Союзе из года в год росла, хотя рост этот и не поспевал за ростом цен, что приводило к падению **реальной** заработной платы. Но в 1948 году инфляция была остановлена, и с тех пор в Советском Союзе проводится энергичная политика дефляции. В апрельском выпуске «Социалистического Вестника» я показал, что с начала 1948 года цены на предметы продовольствия понижены в Советском Союзе почти на 50% (хотя и до сих пор по сравнению с заработками громадной массы населения они остаются чрезвычайно высокими). Правда, понижение цен на предметы ширпотреба менее значительно, а о понижении коммунальных тарифов и пр. что-то вообще ничего не слышно. Но в целом покупательная сила денег несомненно значительно возросла. Что же, это отвечает большевистской политике «дисциплины» в вопросах заработной платы — повышать уровень номинальной заработной платы в период дефляции?

Остановлюсь здесь на одном косвенном экономическом показателе, который, может быть, облегчит выяснение динамики заработной платы. Общее количество рабочих и служащих в стране продолжает расти, и этот прирост достигает в последние годы в среднем почти двух миллионов в год. Если бы при этом и средний уровень номинальной заработной платы продолжал расти, это неизбежно сказалось бы очень значительным увеличением товарооборота и соответственным ростом бюджетных поступлений от налога на оборот (если, конечно, ставки налога на оборот остаются неизменными, но об изменениях их ничего в печати не сообщалось). Если данные о размерах товарооборота, может быть, спорны, вследствие ненадежности методов учета товарооборота, то о поступлениях от налога на оборот у нас имеются достаточно точные данные (из ежегодных докладов министра финансов о государственном бюджете). Оказывается, что хотя число рабочих и служащих увеличилось с 1948 по 1951 год приблизительно на 17%, поступления от налога на оборот колебались все эти годы вокруг уровня, достигнутого в 1948 году; они составили

в 1948 году 247,5 млрд.,
в 1949 году 250,3 млрд.,
в 1950 году 236,1 млрд.,
в 1951 году 247,8 млрд. рублей.

И это несмотря на то, что под знаком политики дефляции Министерство финансов принимало очень энергичные меры к укреплению «налоговой дисциплины» и к обеспечению поступления налога полностью. И несмотря на то, что в эти же годы имело место значительное усиление товарности крестьянского хозяйства, т. е. и расширение крестьянских покупок на товарном рынке и соответственное увеличение поступлений от налога на оборот, уплачиваемого крестьянами. Не заставляет ли это думать, что поступления от налога на оборот, уплачиваемого рабочими и служащими, в эти годы даже несколько уменьшились, т. е. что при заметном увеличении числа рабочих и служащих средний заработок рабочих и служащих понизился?

Против этого предположения «оптимисты» любят ссылаться на данные о бюджете социального страхования, который действительно после 1948 года продолжал расти быстрее, чем возрастало общее число рабочих и служащих. Мне уже приходилось доказывать в другом месте, что этот рост бюджета социального страхования объясняется в значительной мере чрезвычайным усилением с конца 1947 года энергии страховых

торые не выполнили плана заготовок на 65-70%, отправляют в городскую полицию, где их втечение трех дней скорым «народным судом» судят за «саботаж» и «умышленное невыполнение государственных зерновых поставок» и приговаривают к срокам от 1 до 5 лет.

Прошло несколько дней, и комендант полковник Т. с удовлетворением посылает телеграмму на имя начальника провинции об успешном ходе сбора заготовок в его районе.

Подводы днем и ночью двигаются к ж.-д. станции. Для скорейшей отправки зерна привлечены американские «Студебекеры», в свое время доставленные армии. Городская тюрьма и камеры заключения в полиции переполнены немецкими крестьянами, не выполнившими плана поставок.

Начальник провинции генерал Труфанов ходатайствует перед нач. С. В. А. (Советская Военная Администрация) маршалом Соколовским об очередной награде офицерам, особо отличившимся в этой ответственной работе.

Когда-то Ленин сказал: «Хлеб — это политика!». Как видно, это хорошо понял генеральный секретарь партии С. Е. П. Г. Вальтер Ульбрихт, который требует от членов своей партии учиться и подражать русским военным комендатам.

Действительность показала, что в этом вопросе С. Е. П. Г. является достойной ученицей советской оккупационной власти в Германии.

А. О.

органов по сбору страховых взносов и по взиманию недоимок по взносам за предыдущие годы. Под влиянием этого фактора кривая доходов социального страхования должна была обгонять кривую фонда заработной платы. Но по истечении очень небольшого числа лет действие этого фактора должно было прекратиться и в дальнейшем (при неизменности страховых взносов) должен был установиться известный параллелизм между динамикой бюджета социального страхования и динамикой фонда заработной платы.

Бюджет социального страхования в последние годы вырос очень значительно, с 1948 по 1951 год приблизительно на 34%, при увеличении за то же время числа застрахованных на 17%. Увы, это было временное явление, и в 1952 году наметилось резкое сокращение бюджета социального страхования, несмотря на продолжающийся рост числа занятых рабочих и служащих. (т. е. числа застрахованых).

Правда, министр финансов в своем докладе о бюджете на 1952 год попытался замазать этот факт. В прошлые годы министр финансов в своих докладах о бюджете показывал каждый раз отдельно расходы по социальному обеспечению (т. е. главным образом по выдаче пенсий инвалидам) и расходы по социальному страхованию. В этом году обе эти бюджетные статьи объединены — в первый раз! — с явной целью что-то скрыть. Привожу эти данные по годам за последние пять лет:

	Социальное обеспечение (в миллиардах)	Социальное страхование
1948 г.	22,6	15,7
1949 г.	21,4	16,6
1950 г.	22,4	18,1
1951 г.	22,3	21,1
1952 г.	37,5	

По сравнению с предыдущим годом сокращение расходов по социальному обеспечению и социальному страхованию, взятым вместе, достигает в текущем году 5,9 миллиардов рублей. Так как нет оснований предположить, что расходы по социальному обеспечению в текущем году резко сократились (в течение всех последних лет они оставались довольно устойчивыми), большая часть указанного сокращения должна быть отнесена к бюджету социального страхования. Повидимому, бюджет социального страхования значительно приблизился в текущем году к бюджету 1948 года, хотя число застрахованных возросло с 1948 по 1952 год более, чем на 20%. Это было бы при неизменности страховых взносов немыслимо, если бы средний уровень номинальной заработной платы не понизился.

С. Ш.

ГЕОРГИЙ АЛЕКСАНДРОВ

«А ТУ ЕГО!»

В своей статье в «С. В.» от апреля 1952 г. я пытался вскрыть внутреннюю связь между угрозой нового тоталитаризма, —идущего на смену большевистскому, — и ростом национализма в среде русской интеллигенции. Если ленинский большевизм вырос из революционно-социального максимализма и утопизма, построенного на базе интернационализма, то новый русский тоталитаризм, если он когда-либо придет, будет базироваться на идее крайнего национализма. Но национализм, как таковой, может сочетаться с различными политическими течениями, не обязательно с фашистско-тоталитарными. Могут быть — и бывают — националистические течения демократического типа, не диктаторского (национальный социализм старика Масарика).

Но, — и тут я пытался обобщить свои собственные наблюдения над советскими людьми, начиная от обитателей Кремля и кончая рядовыми рабочими и колхозными крестьянами, — для меня ясно, что коммунистическому режиму удалось за треть века своего существования, — глубоко засадить семена тоталитаризма в души довольно значительного сектора советского общества. И их не так легко будет вытравить.

Не нужно забывать, — писал я, — что естественный иммунитет против тоталитаристического яда, присущий всякому здоровому и нормальному народному организму, был в России ослаблен тем, что ее народы прожили столетия под разными видами политического деспотизма. Поэтому следует опасаться, что сопротивление значительной части народа идеям и практике тоталитаризма может оказаться недостаточно сильным, в особенности если он будет подан им под соусом национализма, русского или нацменьшинственного. Носителем националистического тоталитаризма первого вида я считаю НТС, одним из видом второго — украинскую бандеровщину. И когда я в апреле писал об элементах политического разложения в СССР, я говорил не только о русском народа, но обо **всех** «советских народах». Разве украинцы, белорусы, кавказцы, туркестанцы и др. не жили под теми же самыми режимами деспотизма, что и великоросы? И разве в них не были в такой же мере ослаблены, — долгим историческим опытом — рефлексы сопротивления деспотии, как и в среде русских?!

Уже по этому одному смехотворны попытки представить меня, как это делает «Посев», «маркизом дю Кюстином» или проф. Горером, или бандеровцем, словом, — «клеветником России».

Вместо того, чтобы говорить «жалкие слова», господа из «Посева» должны были бы показать, что я неправ по существу, что опасность возрождения ликвидированной диктатуры в другой ипостаси не существует, и что проповедуемый ими же самими национализм тут непричем. Но этого даже «ловкость рук» солидаристов не могла бы проделать *).

*) Г. Николин в своей заметке в № 3 Зарубежного приложения к "Посеву" от 25-го мая с. г,. пытается меня обвинить в незнании русской истории на том основании, что я причислил славянофилов к сторонникам деспотизма. Славянофилы, утверждает он, никогда не были сторонниками диктатуры. Но я самодержавие Николая 1 и Александра 2 позволяю себе причислить к режимам деспотизма. А разве славянофилы были против них?! Г. Николин напоминает мне, беря под свою высокую защиту честь русского народа, и о вече, и о

Когда я писал свою статью, я был уверен в ответной атаке со стороны «Посева». Но вот, кроме задетых мною тоталитаристов, выступил на защиту доброго имени советских народов и г. Б. Ольшанский, эмигрант из «новейших», — инженер-капитан Красной армии, «избравший свободу» только недавно.

Если писатели из «Посева» отлично знали, что они делают и зачем, то я очень опасаюсь, что г. Ольшанский не совсем отдает себе отчет в объективном смысле нашего спора.. Ему показалось, что кто-то хочет обидеть советскую нацию, и он рыцарски бросился на защиту прекрасной дамы.

Но если бы он взял себе труд продумать вопрос и проанализировать его общественное значение, то он понял бы, что никто из нас не собирается обижать бедный русский народ, а что мое выступление имело только один смысл: сигнализировать опасность, грозящую уже теперь будущей русской свободе.

***

Мир стоит под знаком национализма. На национализм поставил фашизм в прошлой войне, и на него же вынужден был ставить и коммунизм. Как передает Харриман в своих воспоминаниях, Сталин ему однажды с горечью сказал: «Что же вы думаете, они пойдут проливать кровь за коммунизм или за меня? Нет, они пойдут умирать только за Россию». Так мировая революция была в пропаганде сталинского режима вытеснена ультрапатриотическими мотивами и лозунгами, апеллящией к русскому национализму, даже к вульгарному и квасному патриотизму.

Мы знаем теперь, — а некоторые и, в первую очередь «Соц. Вестник», — знали это уже тогда, в самый разгар войны, что на деле патриотическая фразеология была для сталинского режима лишь спасительным камуфляжем, что идея отечественной войны была только временным прикрытием ради спасения коммунистической диктатуры. Но националистическая фраза и сейчас не потеряла для Сталина своей полезности. Не потому, что сталинский режим проникся сознанием подлинных национальных интересов страны и ее народов. Националистическая демагогия нужна Сталину для идеологической подготовки к той новой войне, которую он готовит во имя и для победы мирового коммунизма.

Но националистическая свистопляска имеет свою логику. Отсюда уже только один шаг до возрождения антисемитизма, ныне поощряемого в СССР сверху, до депортации и ликвидации целых народов, до безудержного националистического самовосхваления и самовозвеличения: надо убедить русский народ в его безмерном величии, его безграничной мощи, его человечности и его праве на господство над миром.

У бывших советских людей, каким-то чудом еще сохранивших способность независимого мышления, у всех русских людей, пребывающих в свободных странах, — не говоря уже об иностранцах, — волосы встают дыбом при чтении новейших советских «исторических откровений», вроде того, что славяне — предки русских, — обучили варягов искусству мореплавания, заселили и культивировали Тавриду; что русские изобрели первую пушку и — зубочистку; открыли закон тяготения до Ньютона; первые построили паровую машину, первые изобрели телефон, радио, телевидение и атомную бомбу и сфабриковали луну задолго до гоголевского хромого бочара из Гамбурга.

Славная история русской культуры, ее техники, литературы и искусства получила всеобщее признание и уважение во всем мире задолго до сталинского вклада в русскую культуру. Она не нуждается в глупой и шовинистической саморекламе. Не подлинный подъем национального самосознания, а только безудержный рост советского империализма породил волну советского бахвальства и заставил насторожиться и начать вооружаться все свободные народы, столь поспешно разоружившиеся после 1945 г.

Но сталинский режим, всеми мерами и средствами раздувающий русский национализм в предвидении новой войны, не одинок в этом отношении. Националистическая демагогия режима находит поддержку в политике некоторых эмигрантских групп. Если Сталин ведет эту политику для укрепления своего режима, то эмигрантские политики стремятся использовать великорусский национализм для завоевания симпатий части аппарата диктатуры и тем облегчить свой приход к диктаторскому господству в случае падения режима в результате возможной войны.

Но и те, и другие создают атмосферу, укрепляющую в эмиграции националистический террор. Каждому свободному и критическому голосу немедленно «пришивается» оскорбление русского народа. Каждая попытка разрешить проблему советских национальностей путем свободного и честного сговора и самоопределения наталкивается на обвинение в «расчленительстве». В результате и без того обостряющийся национализм меньшинственных наций накаливается добела. В ответ на это обостряется национализм русский. Из этого тупика «взаимной индукции» нет никакого другого выхода, кроме борьбы при помощи голой силы — или подлинной политики демократического интернационализма в высшем смысле этого слова. А это предполагает свободу самокритики у всех национальных групп. Но «самокритика» не есть самолюбование и самовосхваление. Мы не должны себя считать и объявлять солнцем без пятен, совершенством, которого мир еще не видал, народом-чудом, на которого не могли оказать ни малейшего влияния столетия господства деспотических режимов, на котором даже треть века самой ужасной в мире тоталитарной тирании не могла сдвинуть ни одной кудряшки на лбу. И не разобравшиеся выходцы «оттуда» немедленно выступают в качестве свидетелей, присягающих в стопроцентной преданности **всего** народа, — всех народов, — самым высоким идеям прогресса, демократии и социальной справедливости. Весь русский народ хорош, все его группы хороши, — нет пятен на русском солнце.

(Окончание см. на стр. 120-ой).

революции 17-го года. Очень признателен: я кое-что об этом слыхал и сам. Но разве об этом идет речь? Ведь я все это писал в органе партии, которая не только **слыхала** о революционном освободительном движении за последние шестьдесят лет. А вопрос, который я поднял, — это — будет ли, например, непредрешенческий НТС в будущей России следовать славным традициям российского освободительного движения, традициям декабристов, Народной Воли, февральской революции, или попытается — как они это делали в прошлом, — следовать традициям "марша на Рим" и "Национальной революции" фюрера.

Памяти С. С. Атрана

Всего три месяца тому назад мы отметили в «С. В.» выдающуюся деятельность С. С. Атрана в области поддержки филантропических и рабочих предприятий. Бывший член Еврейского Рабочего Союза («Бунда») в старой России, юношей вступивший в ряды революционеров, волной анти-большевистской борьбы выплеснутый заграницу, и здесь своей кипучей энергией и организаторскими талантами составивший себе большое состояние, — С. С. до конца жизни сохранил верность идеалам своей молодости и делу русской свободы. История общественных и революционных партий в России знает немало примеров, когда очень богатые люди шли против своих личных и «классовых» интересов, поддерживая движения, ставившие себе целью ликвидацию не только бедности, но и личного богатства.

К таким людям принадлежал и покойный Атран, усвоивший себе социалистические идеи задолго до того, как стал богачем. Но головокружительное восхождение к самым высшим ступеням социальной лестницы не сделало его ренегатом, приверженцем капитализма или капитала. Человек очень умный и трезвый, он понимал всю случайность и «нетипичность» своей собственной карьеры. Противоречие между своим социальным положением, которым, кстати, он лично никогда и не пользовался, и своими социальными убеждениями, он старался в последние годы заполнить щедрой раздачей приобретенных им капиталов на цели общественные. Он создал в Нью-Йорке фонд, на имя которого перевел значительную часть своего состояния, и этот фонд еще при жизни С. С. стал широко финансировать общественные и филантропические начинания.

Когда мы писали заметку в «С. В.», мы уже знали, что наш друг опасно и безнадежно болен. Боимся, что благодаря этому заметка уже тогда, помимо нашей воли, носила скорее характер некролога. Увы, теперь уже его нет с нами. 12-го июня мы похоронили его на нью-йоркском кладбище, среди других, близких нам могил.

Похороны С. С. Атрана прошли при большом стечении народа, в Доме Еврейской Культуры, который покойный отдал в распоряжение Еврейского Рабочего Комитета в Нью-Йорке. Выступали ораторы от различных рабочих и филантропических организаций на английском, еврейском и русском языках. От группы РСДРП и «Соц. Вестника» выступил Р. Абрамович, от Лиги Борьбы за Народную Свободу и от общества «Надежда» произнес краткую речь В. М. Зензинов, от Литературного Фонда выступил А. Седых.

ИЗ НЕДАВНЕГО ПРОШЛОГО

В. КАРДА

Предсмертная чистка Коминтерна

В середине мая 1937 г. сталинская чистка нанесла смертельный удар Коминтерну, этому "генеральному штабу мировой революции".

Я наблюдала и переживала это историческое событие изнутри, как одна из первых жертв чистки Коминтерна. Я работала в качестве редактора в отделе прессы Коминтерна от середины 1936 г. до мая 1937 г. В феврале 1937 г. происходил, как известно, второй "московский процесс" старых большевиков. Мы в отделе прессы работали в эти дни по 20 часов в сутки, передавая по телеграфу во все концы мира и на всех языках фантастические "признания" обвиняемых. Переводчики, машинистки, стенографистки и редактора работали сумасшедшим темпом, и в этой лихорадочной атмосфере мы не имели ни возможности, ни времени осмыслить всю чудовищность того, что совершалось на наших глазах, — и при нашем участии. Телефон непрерывно трещал; от центральных учреждений компартий Швеции, Англии, Дании, Франции приходили ошарашенные, недоумевающие, полные ужаса запросы: "Неужели это правда? Неужели это правда?" Мы кричали в телефон скороговоркой подтверждение официальных версий и спешили назад к своим письменным столам, чтобы снова переводить и редактировать.

Только уже на рассвете, когда, после проработанной ночи, мы выходили на улицу, где дули холодные февральские ветры, и воздух был наполнен карканьем ворон, стаями кружившихся вокруг кремлевских башен, — нас охватывал ужас, и мы начинали чувствовать, что стоим на краю бездны.

Когда процесс, наконец, закончился, мы поздно ночью почти с чувством ликования узнали о "помиловании" Радека, приговоренного к 10 годам заключения, — это был единственный "светлый луч" в приговоре. Затем жизнь в отделе прессы снова вошла в норму, мы получили премию за особо-напряженную работу во время процесса.

Наступил май, солнечный и жаркий, как всегда в Москве. Зловещее карканье ворон было забыто. Нам хотелось забыть все эти мрачные предчувствия, сомнения, которые нас все время мучили, и мы жадно впивали в себя все, что предсказывало еще одно беззаботное и бездумное лето, и мы отталкивали от себя или задвигали куда-то вглубь себя все, что напоминало о процессах и обо всем, что происходило за стенами Лубянки, — имена других московских тюрем нам тогда еще не были знакомы. Мы судорожно цеплялись за надежду, что все случившееся было необходимо.

Сейчас никто из нас больше не может понять, каким образом мы могли так обманываться, и нам кажется непростительным преступлением, что мы могли этому поверить. Но это было так, и бессмысленно сейчас это отрицать или при-

---

«АТУ ЕГО!»
(Окончание).

Нужно ли удивляться тому, что национально-меньшинственные шовинисты в свою очередь объявляют себя носителями и пророками демократии и прогресса, а русских сплошными большевиками, империалистами и диктаторами? Крайности друг друга порождают и укрепляют.

И потому теперь больше, чем когда-либо раньше, нужны не крики «ату его!» против всякого критика, а свободная, честная, бесстрашная мысль, подходящая с ножем критического анализа не только к сталинской лживой пропаганде, но и к пропаганде наших эмигрантских кандидатов в диктаторы второго сорта.

крашивать. Впрочем, мы, уцелевшие, немало покаялись за нашу тогдашнюю трусость мысли.

Итак, на дворе стоял май, теплый, ясный. И день 23-го мая был, может быть, краше других. Нашему Бюро прессы в Коминтерне не хотелось в такой день думать о процессах. Даже достижения пятилетки или Испания отошли на задний план. Сегодня мы были заняты регистрацией других достижений, таких, которых никто уже не мог отрицать и критиковать: как раз в тот день советские летчики пролетели над Северным полюсом! Огромное спортивное достижение, но и в то же время огромная победа социализма, — как мы обычно все истолковывали. То был "большой день"!

Когда моя мать мне позвонила, чтобы проститься по телефону перед ее отъездом на место своей работы на Урале, я успела еще с восторгом рассказать о только что полученной новости.

То был мой последний разговор с матерью в нашей жизни: то была последняя победа коммунизма, которую я успела протелеграфировать всему коммунистическому миру.

Когда я вечером пришла на работу, дежурный на меня как-то странно посмотрел, проверил еще раз мое имя и, взяв мой пропуск, положил его в ящик своего стола, вместо того, чтобы мне его вернуть, как обычно. "Я имею приказ отобрать ваш пропуск и не впускать вас в здание". — "Как? Почему? И кто будет за меня делать ночную смену?", спросила я растерянно. Он пожал плечами, — позже я в течение целого ряда лет, как на каменную стену, наталкивалась на это пожатие плечами НКВД-евского солдата.

Я покинула особняк Коминтерна. Медленно я шла по улицам советской столицы, как всегда по вечерам полным народа. То была суббота, и никто мне ни сегодня, ни завтра не сможет объяснить, почему меня без всякого предупреждения и без всякого указания причины сняли с работы. Но вот послезавтра я пущу в ход все свои связи и знакомства и начну борьбу за свою реабилитацию. В конце концов, я ведь член партии, никогда ни в чем не провинилась и всегда была верна линии партии.

И вот в понедельник для меня, как и для многих тысяч других коммунистов в те обманчиво-прекрасные майские дни 1937 г., началась та "борьба за право", которую вернее всего можно было бы сравнить с попытками попавшей в горшок с патокой мухи вытащить оттуда свои лапки.

Рано утром 25-го мая я стала звонить своему непосредственному начальнику, руководителю Бюро прессы т. Чернину.

— Как, вас уволили? — удивился Чернин. — Мне об этом ничего не известно, но я наведу справки. Позвоните мне, пожалуйста, завтра утром.

Звоню опять 26-го. Спрашиваю тов. Чернина.

— Чернина? — переспрашивает незнакомый мне голос. — Чернина здесь больше нет. Обратитесь к начальнику отдела кадров.

Чернина больше нет? Холодок пробежал по спине. Но я не сдаюсь. Звоню Алиханову, начальнику отдела кадров Коминтерна. Происходит точное повторение вчерашнего разговора с Черниным: "Как, вас уволили? Мне об этом ничего не известно, но я наведу справки: позвоните завтра утром".

Непостижимо, каким образом могло случиться, чтоб начальник отдела кадров, т. е. личного состава, не был осведомлен о моем увольнении. Но я не очень задумываюсь над этой проблемой и на следующее утро, 27-го мая, звоню Алиханову.

— Алиханов? — переспросил незнакомый мне голос. — Алиханова здесь больше нет. Говорит Черномордик, его заместитель.

Алиханова больше там нет? Я знала, что Алиханов очень больной человек, на лице которого уже давно была написана смерть. Но ведь в газетах ничего не было о его смерти, хотя он был старый и известный большевик. Значит, он не умер, а арестован?

— Позвоните мне завтра, — говорит Черномордик.

Меня пробирала дрожь, когда я 28-го звонила Черномордику. Вот сейчас незнакомый голос снова заявит, что такого больше нет. Так оно и было. И я на этот раз уже больше не удивлялась, но как раз в эти дни перестала телефонировать: мне было не до "борьбы".

Дело в том, что 31-го мая в московской квартире моей матери был произведен обыск. Квартиру опечатали, и я перестала ждать обещанной телеграммы матери о ее благополучном прибытии в Свердловск. От арестованных телеграммы не приходят, да и вообще в Советском Союзе не полагается никакого общения между арестованными и теми, кто еще на свободе.

В начале июня я пошла к начальнику кадров немецкой секции Коминтерна. Он усталым голосом посоветовал мне не очень интересоваться причинами моего увольнения: "Сама понимаешь, в чем дело". Когда я во второй раз зашла в его кабинет, то в комнате уже больше никого не было, кроме его "зама" — немецкой коммунистки Греты Вильде, бывшей руководительницы германского Комсомола. Она приняла во мне участие, но проявилось оно в том, что она мне настоятельно советовала подать заявление о политическом отречении от матери. Я пришла в страшную ярость и тут же решила подать заявление в противоположном духе, — о солидаризации с матерью. Удержали меня от этого шага друзья, — только на два-три дня — убеждая обождать с такого рода самоубийственным, по их мнению, шагом.

Но когда я через три дня пришла в немецкую секцию с намерением все же подать свое заявление, я там вообще больше никого не нашла, кому бы я его могла передать. Греты Вильде уже не было: она была арестована, и у нее, наверное, впоследствии было достаточно возможности убедиться в том, верно ли, что НКВД наказывает только действительно виновных, — как она меня накануне своего ареста с таким жаром убеждала. Примеров наказания совершенно невинных она навидалась, наверное, немало на Караганде, где она потом и умерла.

К концу июня примерно только 20-30% всех служащих Коминтерна остались на свободе. Несколько позже "генштаб мировой революции" был изгнан из центральной части Москвы и запрятан куда-то за Воробьевы горы (Ленинские горы). Официально говорили, что это сделано по соображениям "конспирации", но на самом деле, вероятно, для того, чтобы скрыть разительное уменьшение состава служащих.

Девять месяцев я пробыла еще на свободе. Когда же мой отец и все мои друзья уже сидели в тюрьме, и на свободе не осталось больше почти никого из тех, кто должен был бы обходить меня при встрече на улице, чтобы себя не скомпрометировать знакомством со мной, я пошла к одному из немногих еще уцелевших членов немецкой секции Коминтерна, Денгелю, чтобы, в соответствии с моим партийным долгом "сделать доклад".

Я назвала ему целый ряд членов моей семьи и друзей, которые арестованы НКВД, и вызывающе прибавила, что я своей свободой, повидимому, обязана только недосмотру органов безопасности. Денгель не потребовал от меня никаких "отречений", он не стал мне говорить обычных фраз, вроде "лес рубят, щепки летят", он даже не побоялся открыто обнаружить все свое отчаяние и недоумение по поводу всего происходящего. Кончил он тем, что обещал мне только материальную помощь. (Ему уже не может повредить, что я о нем отзываюсь с симпатией: он был поражен ударом в самом начале советско-германской войны и умер в 1947 г., после шести лет тяжких страданий).

Материальную помощь я получила, — о, горькая ирония! — от Межрабпома, от организации, которая была основана коммунистами для оказания помощи жертвам фашистского

террора. В марте 1938 г. НКВД снял с Межрабпома бремя забот обо мне и моем ребенке на целых 9 лет.

— А, ты работала в Коминтерне, свинья этакая! — заорал на меня следователь НКВД в погребе Таганской тюрьмы и схватился за широкий кожаный ремень, лежавший около него. — Ты работала в этой шпионской шайке, вместе с Бела Кунами, Пятницкими, Кнорингами, всей этой шпионской сволочью, с изменниками, которые хотели Союз продать капиталистам!"

— Что же, и Димитров шпион? — осмелилась я спросить. Тот был еще на свободе, когда я была арестована.

— Димитров? Нет, он не шпион, — ответил следователь и вдруг успокоился. Он, очевидно, сам не знал, как понять создавшуюся ситуацию.

Когда Испания была потеряна, и даже гитлеро-сталинский пакт не помог, и между Россией и гитлеровской Германией вспыхнула война, союзники, как известно, добились от Сталина роспуска Коминтерна. Процесс роспуска продолжался два года, а когда он был закончен, то в период между этим моментом и основанием Коминформа в Москве, в коминтерновской гостинице "Люкс" на улице Горького, жили полуофициальные представители от всех коммунистических партий мира, которые передавали своим партиям приказы Кремля.

***

В 1947 г., когда я вернулась из Дальневосточного лагеря в Москву, то только эти неофициальные представители, жившие в Москве почти нелегально и принимавшие посетителей в своих частных комнатах, напомнили мне еще Коминтерн. Нигде больше уже не было здания Коминтерна; станция метро, которая когда-то называлась "Станция Коминтерна", называлась теперь "Ленинская библиотека"; улица Коминтерна называлась улицей Калинина, а радиостанция Коминтерна была переименована в радиостанцию "Москва". Вместо Интернационала советские люди пели русский патриотический гимн.

Эра Коминтерна ушла в прошлое...

В московском МВД я поставила вопрос о судьбе моих родителей. До тех пор я в течение 9 лет ни разу не имела возможности этот вопрос вообще кому-либо поставить. "Они присуждены к заключению в лагерь особого режима на 10 лет без права переписки", был ответ. Не все мои товарищи по несчастью, имевшие в тюрьме более или менее именитых родственников, получили такой ответ: некоторым просто сообщали дату, когда данное лицо "скончалось" в заключении. Поэтому мы склонны были верить данной мне справке. Мы продолжали верить и тогда, когда 10-летний срок уже давно кончился (1947), и освобожденные должны были вернуться...

В оправдание нашей наивности хочу только напомнить, что мы тогда еще ничего не знали о винницких и других массовых кладбищах, с десятками тысяч трупов расстрелянных, в карманах которых были найдены такие же приговоры: 10 лет режимного лагеря без права переписки", — повидимому, в тот момент это была условная формула для расстрела.

И кто знает, не покоятся ли останки дорогих нам людей под той зеленой травкой "парков культуры", которая выросла на земле, набросанной над трупами расстрелянных? Убив выстрелом в затылок десятки, а может быть и сотни тысяч рабочих, крестьян, интеллигентов, искренних и честных борцов за свободу, и бросив миллионы трудящихся в рабские лагеря, Сталин убил и самую революцию. И теперь его пропаганда старается вытравить у "счастливой" советской молодежи, весело занимающейся спортом и топчущей, не зная того, своими быстрыми ногами останки расстрелянных борцов, всякую память о них и об их борьбе.

С. ЮРАСОВ

ТЮРЕМНЫЕ ВСТРЕЧИ

(ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ БЫВШЕГО ЗАКЛЮЧЕННОГО)

Первые впечатления.

Я только что арестован и сижу в низкой конуре размером два метра на два. На стенах надписи. Мне двадцать три года, я студент университета, напечатал первый свой рассказ и несколько стихотворений. Интересует меня в жизни только литература. Поэтому надписи читаю с наслаждением:

"Се есть собачник".

"Кто не был — тот будет, кто был — тот не забудет".

"Входящий сюда, оставь надежду возвратиться".

"Здесь сидели:..." и дальше идут фамилии — русские, украинские, еврейские, кавказские, но больше русских. Я не могу сдержаться и выцарапываю свою фамилию. Я совершенно уверен, что арестован по недоразумению, что сейчас все выяснится, и я пойду домой — к книгам, занятиям, друзьям. Я даже начинаю мечтать, как буду им рассказывать об этих надписях, о знаменитой тюрьме "Шпалерке", мимо которой мы часто проходили, стараясь угадать, что там внутри.

Щелкает замок, и в дверь вталкивают огромного краснолицого человека. Он в бобриковой куртке и высоких сапогах. Оглядывается. Я уступаю ему единственную табуретку. Садится, снимает шапку и тяжело вздыхает. Камерка наполняется запахом водки. Я молчу.

— Влип! — вдруг убежденно говорит человек и снова вздыхает. — Как последний остолоп! Как идиот!

Он оказался начальником отдела снабжения завода имени Кирова.

— Ведь знал, что кампания в самом разгаре! И что стоило закатиться куда-нибудь в командировку месяца на три? Сколько раз было: начнется — уеду, пережду, пока не уляжется, и возвращаюсь. Начальство не то что не ругает, а благодарит молча — работник ценный уцелел. Правда, на этот раз все начальство, кажется, арестовали.

Я не понимаю и расспрашиваю.

— Да вы с луны свалились, что ли? Аресты идут какой месяц, а вы — почему, зачем! Чистка, какой не было еще, идет. Вы иностранец?

— Нет.

— Заграницей были?

— В раннем детстве.

— Вот вам и шпионаж!

— Позвольте, мне же тогда было...

— Это ничего не значит.

Я думаю, что он пьян, и больше не расспрашиваю.

Но он не был пьян, он был типичным советским снабженцем-всезнайкой. Он во время ареста и обыска у себя дома успел одеться по-зимнему, взять несколько пар белья, еды, несмотря на уверения уполномоченного НКВД, что все выяснится, и он скоро вернется домой.

Думаю, что домой он не вернулся — потом уже, в пересыльной тюрьме рассказывали, что ему дали пятнадцать лет.

Камера номер 100.

Коридорный оттягивает тяжелую дверь, и я впервые в жизни вижу настоящую тюремную камеру. Ярко светит на стене электрическая лампочка, но камера смотрит на меня черной дырой. Воздух спертый, пропитанный запахами пота, грязного тела и тем специфическим запахом тюрем, которого не знает человек на свободе.

Навстречу мне с пола поднимаются четыре бледных заросших лица. Дверь сзади захлопывается, щелкает замок. Я почему-то смотрю на одно лицо — с густой черной бородой и большими лихорадочными глазами. "Меньшевик", — думаю я и, не зная, что сказать, говорю: "Добрый вечер". Лицо мне

улыбается, и я замечаю, что "меньшевику" всего около тридцати лет.

— Сразу видно, что вы с воли, — говорит он.

Слово "воля" для меня новое. "Меньшевик" поднимается и подает руку.

— Вы представить не можете, как это напоминает дом — "добрый вечер". Мы забыли его здесь...

И пошли дни. День начинается глухим голосом за дверью — "Подъем", день кончается тем же замогильным голосом: "Спать". Голос приближается справа: "Спать-спать-спать" — у каждой двери, а потом уходит налево: "Спать-спать-спать". Никого из нас не вызывают. Первые три дня рассказываю я. Потом рассказывают они. По коридору недалеко от нашей камеры находится камера-музей, где сидел Ленин, и это интересно.

"Меньшевик" оказался инженером Михаилом Ливинцем. Он сидит уже полтора года под следствием. Ему инкриминируют (тоже новое для меня слово) шпионаж в пользу Америки за то, что два с половиной года назад его посылали в командировку в Детройт.

Худой высокий Смирнов, рабочий-металлист с "Красного Путиловца", обвиняется в "контрреволюционной пропаганде": в цеховой уборной употребил кусок газеты, не заметив на ней портрета какого-то вождя; он даже не знает, какого.

Третий — нервный, беспокойный — начальник Кировской железной дороги. Все рассказывает, как он "упек" своего следователя. Его допрашивал начальник особого отдела той же Кировской дороги и все требовал, чтобы подследственный назвал членов "троцкистско-бухаринской" организации в Управлении дороги. Наш сосед написал список всех сотрудников Управления, чьи фамилии он помнил. Следователю было мало и он требовал еще. Тогда начальник дороги записал в список и фамилию начальника особого отдела, т. е. следователя. Тот разразился руганью, но сделать, видимо, ничего не мог. На следующий день нашего остроумного сокамерника допрашивал другой следователь, причем весьма любезно. Начальник дороги уверяет, что прежнего следователя арестовали. Все может быть.

Четвертый в камере — финн-дровосек из-под Сестрорецка. Он плохо говорит по-русски. Целыми днями неподвижно сидит в углу и молчит.

Днем мучит голод. Ночами мучают сновидения: снится воля, близкие люди, еда. В день нам дают 350 граммов плохого хлеба кусочками, скрепленными палочками, спичечную коробочку сахара, пол-литра "баланды" — кипяченной воды, в которой капустина догоняет другую, две кружки морковного чая и немного постной каши.

Развлекаемся перестукиванием с соседними камерами: справа сидят восемь человек: директор швейной фабрики обвиняется во "вредительстве", ученый арабист — в шпионаже, за переписку с заграничными арабистами, летчик — тоже в шпионаже, за то, что в Мадриде познакомился с франкистской (он сбил два франкистских самолета, но был отозван в Москву и арестован), мастер завода имени Марти, латыш по происхождению, всю жизнь проработал на заводе, — тоже шпионаж, студент института имени Герцена, с немецкой фамилией, рабочий с Балтийского завода и два крестьянина из пригорода.

Слева сидят: профессор Ефремов с завода "Электросила", секретарь Обкома и семнадцатилетний сын Кодацкого, арестованного председателя Ленинградского Облисполкома. У мальчика следствие закончено, но его держат до 18-летия, чтобы судить, как совершеннолетнего.

Перестукиваемся и по трубе парового отопления: снизу отвечают две камеры, сверху одна. Под нами сидит солист Мариинского театра тенор Райский, полковой комиссар, строительный техник и трое рабочих. В первом этаже — девять человек, среди них поэт Борис Корнилов. Я Корнилова немного знаю, мы встречались в Доме писателей. Автора замечательных стихов и поэм "Моя Африка", "Колыбельная", "Кировы", причем стихов абсолютно советских, арестовали за несколько писем, которые ему написал Бухарин. От Корнилова узнал, что арестован и автор "Соляного бунта" поэт Павел Васильев.

Наверху сидят рабочие с ленинградских заводов и крестьяне из немецких колоний возле Ленинграда.

Спасаясь от неизвестности — меня все еще не вызывают — и от голода, придумываю себе занятие: читаю надписи на алюминиевой посуде и стараюсь угадать судьбы делавших их.

"Вера Коваленко — 19 лет. Студентка. Обвиняюсь по статье 58 — террор. Я ни в чем не виновата. Скажите маме — Соляной переулок, 16. 12/2. 1935".

По-немецки: "Я приехал сюда строить социализм, вместо, что здесь отечество рабочих, — святая глупость! 5/7-37 г.".

"Визи. Подписал протокол. Невиновен. Прощай, Лиза, прощай, сынок. Иван Лебедев. 26/8-1937 г.".

Все не вызывают. Я уже давно не думаю, что мои соседи "враги народа", и совсем не уверен, что выйду отсюда.

Потом, через полтора месяца, когда я знал, в чем меня обвиняют, когда познакомился с тайнами советского следствия, меня неожиданно вызвали вечером "с вещами", что по тюремным обычаям означало "на волю": вечером на выходящих из тюрьмы не так обращают внимание. Михаил Ливинц дал мне носовой платок, чтобы я зашел на улицу Рубинштейна к его сестре, она должна была поверить мне, увидев платок. Платок сохранился у меня года два, пока его не украли уголовники в лагере.

Смирнов просил зайти в Нарвский район на Школьный переулок и сказать жене и детям, что он жив.

Начальник Кировской дороги обнял и пожелал мне счастья.

Только финн ничего не сказал — он неумело держал мою руку и жалко-жалко улыбался.

Увы, — меня только перевели в другой корпус тюрьмы.

На допросах.

— Последний раз говорю: будешь подписывать?! — следователь швырнул ручку на стол и подошел ко мне.

— Я не совершал этих преступлений и подписывать не буду, — в сотый раз ответил я.

— Не будешь?!

Не успел я сообразить, как следователь ударил меня по уху; от неожиданности я свалился со стула. "Начинается" — подумал я: меня еще не били. Следователь ударил еще раз — носком сапога мне в бок, но я успел вскочить и стал его отпихивать от себя. Он изловчился и больно ткнул сапогом в колено. Все это время я помнил слова летчика: "Будут бить — дерись: не так больно". Его так часто били, что он нашел противоядие — отчаянно кидался на следователей, пока не терял сознание. По его рассказам, это помогало.

Следователь ударил меня снова ногой в колено. От боли я решился: "будь, что будет"; хотел ударить кулаком, но побоялся, и ударил открытой ладонью в подбородок. Следователь был щуплый, он перелетел через стол и — мимо стула — шлепнулся в угол. От неожиданности или испуга он перестал кричать и, вытаращив белесые глазки, рвал пистолет из кобуры. Я попятился к стене, захватив в руки тяжелый дубовый стул. Направив на меня пистолет, он вскочил и стал нажимать на кнопку сбоку стола.

В комнату вбежали три молодца в форме курсантов школы НКВД. "Быть бою!" — я перехватил стул и прижался к стене. Наверное, вид мой был страшен. Молодцы обступили меня веером, но, несмотря на крик следователя, не решались броситься на меня.

Чем это кончилось бы, не знаю. Я готов был драться насмерть. В это время без стука открылась дверь, и вошел высокий энкавэдист. Я узнал его сразу.

— Товарищ старший следователь, подследственный ударил меня, — вытянулся мой следователь.

Сомнения не было — это был Колька Жаров, мой товарищ по университету. Он даже не взглянул на меня, только в глазах мелькнул смешок: он хорошо знал студенческие схватки на Елагиных островах в студенческой пивной и мое неизменное участие в них. Потом мельком поглядел на меня неузнающим взглядом и коротко приказал: "Вывести".

Один из курсантов, покосившись на стул в моих руках, жестом показал мне на дверь. Я был так потрясен встречей, что покорно поставил стул и вышел. В коридоре курсант зло толкнул меня стать лицом к стене. Следом вышли два других курсанта.

"Боже мой, Колька!" Он два года учился со мной в университете, мы сидели рядом. В позапрошлом году он был мобилизован по комсомольской линии в школу НКВД, что на улице Дзержинского. Раньше писал неплохие стихи, часто бывал у меня. Сколько мы спорили — о Маяковском, Есенине, Кузмине! Теперь он старший следователь НКВД, а я подследственный.

Но встреча в этом огромном чужом здании Ленинградского НКВД с человеком, который знает тебя, успокаивала. Ведь он знает, что я не шпион, не террорист, хорошо знает!

В таком смятении я стоял лицом к стене минут пять, а то и десять. Сзади шагал курсант. А из-за двери следовательского кабинета глухо доносились голоса.

Ожидание навело меня вдруг на мысль, что сейчас повезут в "Шанхай", и мне стало страшно. "Шанхаем" арестованные называли подвал тюрьмы, где пытали и ужасно избивали. Я много раз, когда "тягач" водил меня из камеры к следователю, проходя мимо лестницы в подвал, слышал оттуда душураздирающие, животные крики истязуемых. От мысли о "Шанхае" после только что происшедшего меня начало знобить. Поднял руку на следователя — этого они мне не простят, — думал я и старался себя успокоить присутствием Кольки Жарова — ведь он меня знает!

Неожиданно дверь кабинета приоткрылась, и чья-то рука позвала курсанта. Потом курсант отвел меня в тюрьму и сдал "тягачу", тот отвел в камеру.

Целую неделю меня не вызывали. А когда вызвали, я увидел нового следователя. Он не кричал на меня, не ругался, а только рассматривал и словно беседовал. Это было так непохоже на моих первых двух следователей и на следователей моих сокамерников, что я стал думать, что спасен. Примерно через час пришел Жаров. Он сел напротив, засмеялся и, вместо приветствия, сказал:

— Теперь у вас прибавилась еще одна статья — избиение следователя.

Обращение на "вы", хотя и было понятно, но неприятно.

— Я только защищался, — ответил я.

— Ничего себе защищался! — оба довольно рассмеялись. Видно, они не любили того следователя, и происшествие доставляло им удовольствие.

— Почему вы не подписываете признания? — вдруг спросил меня Жаров.

— Я не идиот подписывать — я не шпион и не террорист. И вы должны знать это, — с надеждой и обидой вырвалось у меня.

— Никто вас в шпионаже не обвиняет.

Я даже привстал со стула. Следователь взял какую-то бумагу и вышел из комнаты. Жаров придвинул ко мне свой стул.

— Не упрямься, Володька! — Я растерянно смотрел на перемену в нем: лицо осунулось и стало усталым и больным.

— Ты ведь знаешь, что ты не совсем советский человек.

— Это старый наш спор, но разве я антисоветский человек?

— Ты всегда был индивидуалистом среди ребят. На собрания не ходил, в общественной жизни университета не участвовал... Увлекаешься буржуазной поэзией. Пишешь упадочнические, грустные стихи. Это ведь не советские настроения.

— Но это же не преступление! Разве когда за такое били? Судили?

— Да, преступление! "Кто не с нами — тот наш враг". Такие, как ты, люди живут в стране вне советской действительности. Это вроде искусства для искусства. Вспомни Плеханова: "Взгляд "искусство для искусства" возникает у людей с безнадежным разладом с действительностью". Понимаешь: с безнадежным разладом с нашей советской действительностью!

— Какое мне дело до того, что писал Плеханов в пылу споров о Пушкине! Я человек, не совершивший никакого преступления против власти. Почему представители власти заставляют меня подписывать признания в совершении несуществующих преступлений? Чтобы судить? Для чего это вам?

— Человек принадлежит обществу и, отходя от него, от его интересов, он уже совершает преступление. Но не в этом дело. Ты не совершил преступления против власти, но ты носитель потенции преступления против нас.

— Какая чепуха! Кто это выдумал?

— Это логика, диалектическая логика, Володька, — как-то особенно устало сказал Жаров. — Государство перед лицом нарастающих в мире событий не может оставить тебя на свободе.

— Каких событий?

— Разве я знаю. Это знает Кремль.

— А если он ошибся?

— Кремль не ошибается, тогда это необходимые жертвы безопасности. Надо смириться. Мой тебе совет, ради нашей прежней... знакомства, — он чуть не сказал "дружбы", — подпиши. Теперь не шпионаж, а "антисоветская пропаганда". Тебе повезло, что встретились. Получишь 2-3 года. Будешь работать в лагерной библиотеке. За это время напишешь что-нибудь и вернешься. Тебе только 23 года.

Разговор прервал вернувшийся следователь. Жаров заговорил на "вы" и скоро ушел.

Я и сейчас продолжаю думать, что тогда он верил тому, что говорил мне. Что он знал — вчерашний студент литературного факультета, видимо случайно попавший в старшие следователи благодаря своей грамотности? Он слепо верил тому, что сказало ему начальство, а тому сказала Москва. Во всяком случае, он понятия не имел о лагерях и что меня ждет. Когда через три месяца меня осудили на десять лет, я написал ему из пересыльной тюрьмы и просил переслать мне теплые вещи из моей квартиры, написал и о сроке в 10 лет. Через несколько дней какой-то курсант привез мне одежду. Уже в лагере я понял, как много сделал, невольно сделал для меня Жаров: осужденный по статье 58, пункт 10, за "антисоветскую пропаганду", я имел возможность работать "по специальности" и работал электриком; осужденные за "шпионаж" или "террор" работали только на тяжелых физических работах и, как правило, гибли до окончания срока.

Le Gérant : Charles DUMAS

PRINTED IN FRANCE

Imprimerie de la S.N.I.E., 32, rue de Ménilmontant, Paris (20)